САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ОКТЯБРЬ 1812. No 10.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

О Римскихъ Историкахъ.

Титъ Ливій справедливо названъ отцемъ Римской исторіи, Romanae historiae pater. Ни одинъ писатель не имѣлъ такого естественнаго краснорѣчія, какъ онъ. Безъ труда и безъ усилій слогъ его равняется съ величіемъ Римскимъ. Никогда не бываетъ онъ ни выше, ни ниже своего предмета. Разказъ его пріятенъ: нѣкоторые древніе Писатели сравнивали его съ рѣкою меду. Никто не обладалъ въ такой высокой степени сею легкостію, симъ богатствомъ выраженій, которыя означаютъ писателя, образованнаго самою природою. Квинтиліанъ утверждаетъ, что молодые люди должны читать Тита Ливія и Цицерона

болѣе, чѣмъ другихъ писателей. „Его по„вѣствованіе, говоритъ онъ, чрезвычай„но пріятно и ясно: рѣчи его написаны „съ величайшимъ краснорѣчіемъ; все со„вершенно принаровлено къ лицамъ и „обстоятельствамъ; особливо же пре„восходенъ онъ въ выраженіи чувство„ваній нѣжныхъ и трогательныхъ, и въ „этомъ ни одинъ Историкъ не можетъ „съ нимъ равняться.“

Въ наше время порицаютъ его, Саллустія и другихъ древнихъ Историковъ, что помѣщали въ Исторіяхъ своихъ рѣчи, которыя почитаются болѣе усиліемъ Ораторскаго искусства, чѣмъ историческими памятниками. Быть можетъ, что Фабій и Сципіонъ въ самомъ дѣлѣ не говорили въ Сенатѣ точно того, что говорятъ они у Тита Ливія; но — если вѣроятно, что они должны были говорить почти то же — я не вижу основательной причины порицать Историка. Ему запрещено вымышлять, но не украшать. Къ тому жъ должно замѣтить, что наши нравы и воспитаніе весьма отличны отъ нравовъ и воспитанія въ древнихъ Республикахъ. Искусство говорить краснорѣчиво было однимъ изъ нуж-

нѣйшихъ дарованій для Гражданина: молодые люди учились оному съ великимъ стараніемъ, и оно составляло важнѣйшую часть воспитанія. Кто хотѣлъ выходить въ чины, тотъ долженъ былъ умѣть изъясняться свободно и пріятно предъ шестью стами Сенаторовъ, умѣть защищать мнѣніе свое, опровергаемое со всею республиканскою вольностію; а иногда говорить предъ собраніемъ народа, многочисленнаго и мятежнаго. Судебныя обвиненія и защитительныя рѣчи были великими средствами къ славѣ, почему и знатнѣйшія особы Государства искали случаевъ отличиться, обвиняя виновныхъ, или защищая ихъ. Желаніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ народу, и честолюбіе заставляло ихъ искать вражды блистательной. Римскіе трибуналы не походили на наши суды. Въ Римѣ всѣ малыя распри оканчивались приговоромъ нижнихъ судовъ, какъ на примѣръ трибуналомъ Ценшемвировъ; но важныя дѣла рѣшаемы были извѣстнымъ числомъ Римскихъ дворянъ, отличныхъ достоинствами и обязанныхъ клятвою, — на пространной площади, при великомъ

множествѣ народа; и тотъ, кто осмѣливался подвергнуть себя столь знаменитому испытанію, долженъ былъ весьма знать свои дарованія и твердость. Тамъ судили о человѣкѣ на всю жизнь его: надежды и возвышеніе его должны были зависѣть отъ мнѣнія, которое подавалъ онъ о себѣ на семъ опасномъ поприщѣ. Молодые люди всегда находились при сихъ собраніяхъ.

Не удивительно, что Римляне, воспитанные такимъ образомъ, говорили рѣчи и чаще и легче, чѣмъ мы воображаемъ. Въ странѣ свободной, убѣжденіе (persuasion) есть нѣкоторый родъ власти, неизвѣстной въ такихъ земляхъ, гдѣ часто убѣждать запрещаютъ. Вотъ почему у Грековъ и Римлянъ краснорѣчіе было общимъ свойствомъ всѣхъ великихъ людей, между тѣмъ какъ у насъ оно бываетъ удѣломъ тѣхъ, которые сдѣлали изъ него особенное свое занятіе. У насъ, кто въ состояніи имѣть Секретаря, тотъ не только можетъ не быть краснорѣчивымъ, но даже можетъ не умѣть написать письма. Весьма рѣдко, чтобы у насъ кто нибудь сказалъ не готовясь такую рѣчь, которую бы послѣ стоило

прочитать. Между тѣмъ достовѣрно, что Цицеронъ говорилъ первую рѣчь свою противъ Катилины безъ приготовленія: ибо нельзя было полагать, чтобъ Катилина осмѣлился показаться въ Сенатѣ. Можетъ быть, при перепискѣ Ораторъ поправилъ и украсилъ ее, и это весьма вѣроятно; но должно думать, что сія рѣчь была очень хороша и тогда, когда Цицеронъ говорилъ ее: ибо Саллустій, который не любилъ Цицерона, говоритъ въ своей Исторіи: „Тогда-то „Консулъ М. Туллій произнесъ ту пре„красную рѣчь, которую послѣ издалъ.“ Еслибъ было большое различіе между рѣчью *письменною* и *произнесенною*, то непріятель вѣрно бы это замѣтилъ.

Гракхи, Цезарь, Катонъ, Сципіонъ были великіе Ораторы, это значитъ на республиканскомъ языкѣ, были великіе государственные люди. Надобно признаться, что краснорѣчіе подобныхъ людей имѣвшихъ великую душу, просвѣщенный умъ и обширные замыслы, должно было произвести чрезвычайные образцы; и что краснорѣчіе тѣхъ, которыхъ побуждаетъ писать одно желаніе *печататься*, и которые ищутъ похвалы жур-

налистовъ, называется Риторикою. Человѣкъ страстный есть истинный Ораторъ. И такъ я осмѣлюсь сказать, что краснорѣчіе находится у насъ болѣе въ прекрасныхъ нашихъ трагедіяхъ, нежели въ надгробныхъ словахъ и панегирикахъ. Съ какимъ бы вкусомъ Ораторы наши ни писали, все они будутъ только хорошими писателями: могутъ ли они быть сильно заняты своимъ предметомъ? А это одно средство быть истинно краснорѣчивымъ. Письмо Брута къ Цицерону есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ лучшихъ образцовъ краснорѣчія, оставленныхъ намъ древностію, не смотря на то, что Брутъ, писавши оное, не думалъ писать сочиненіе: онъ изливалъ только душу свою, свободную и раздраженную. Плиніевъ Панегирикъ и разсужденія Сенеки писаны въ томъ вѣкѣ, который слѣдовалъ за вѣкомъ Августа; въ нихъ много хорошаго, но это произведенія Риторовъ: тамъ нѣтъ и слѣдовъ республиканскаго слога. Умы перемѣнились вмѣстѣ съ правленіемъ.

Но возвратимся къ Титу-Ливію. Рѣчи его столь хороши, что и самый строгій ихъ порицатель не захотѣлъ бы,

чтобъ ихъ совсѣмъ не было. Притомъ же можно полагать, что великіе люди, говорящіе въ его Исторіи, часто почерпали въ душахъ своихъ тѣ изящныя выраженія, которыя Геній Тита Ливія имъ приписываетъ, и даже производили своими рѣчами несравненно болѣе дѣйствія, нежели Историкъ можетъ произвести своими.

Слава Тита Ливія была столь велика даже и при жизни его, что одинъ житель Кадикса, а Кадиксъ въ то время былъ для Римлянъ краемъ свѣта, отправился въ Римъ единственно для того, чтобъ видѣть Тита Ливія, и, увидѣвъ его, тотчасъ возвратился въ отечество. Св. Іеронимъ, въ письмѣ къ Павлину, очень хорошо говоритъ о семъ случаѣ: „не удивительно ли, что иностранецъ, вошедши въ такой городъ, каковъ Римъ, хотѣлъ видѣть не его, а Тита Ливія?“

Извѣстно, что мы лишились большой части его сочиненій, также какъ и Тациповыхъ. Вѣроятно, что сіи потери, столь чувствительныя для ученыхъ, никогда не вознаградятся.

Ливія обвиняютъ въ суевѣріи, ибо онъ обстоятельно и съ важностію раз-

сказываетъ множество чудесъ. Но можно ли изъ того заключить, что онъ имъ вѣрилъ? Сіи чудеса были существенною частію Исторіи такого государства, гдѣ все дѣлалось пророчествами и предзнаменованіями, гдѣ при всякомъ важномъ предпріятіи смотрѣли на полетъ птицъ и на внутренность животныхъ. Правда, что во времена Августовы суевѣріе было не столь велико, но простой народъ былъ всегда суевѣренъ, а правительство симъ не огорчалось, ибо это было новымъ родомъ рабства для народа. Сенатъ во всякое время употреблялъ вѣру и предсказанія для своихъ выгодъ. Книги Сивиллъ, съ которыми иногда совѣтовались, походили на *сотни* Нострадамуса, гдѣ найдешь все, что угодно. Это можетъ удостовѣрить насъ, что Титъ Ливій и другіе историки обязаны были скрывать мнѣнія свои о чудесахъ, и никого не смѣли выводить изъ заблужденія. Впрочемъ я не хочу увѣрять, что Титъ Ливій почиталъ сіи чудеса нелѣпыми баснями, но говорю только, что онъ могъ писать о нихъ совсѣмъ не то, что думалъ.

Когда не было еще Тацита, то Саллустія называли лучшимъ Римскимъ Историкомъ (*). Квинтиліанъ и Патеркулъ сравниваютъ его съ Θукидидомъ; тотъ же самой Квинтиліанъ сравниваетъ Тита Ливія съ Иродотомъ. Я думаю, что удивленіе, которое Римляне имѣли къ Греческой Словесности, и сіе старое почтеніе, которое мы сохраняемъ къ своимъ учителямъ, дѣлали пристрастнымъ сужденіе Квинтиліана, имѣвшаго впрочемъ умъ здравый и просвѣщенный. Что же касается до насъ, получившихъ равныя благодѣянія отъ Грековъ и Римлянъ, то кажется, что Тита Лавія можно предпочесть Иродоту, а Саллустія Θукидиду: ибо описанія сихъ Римскихъ историковъ несравненно живѣе. Ливіевы описанія пріятны, Саллустія сильны; первый удивляетъ насъ блистательнымъ изобиліемъ, вторый разительною быстротою. Правда, что Саллустій бралъ въ образецъ краткость Θукидида, и говорятъ, что онъ много занялъ изъ сего Историка. — „Саллустій,

(*) Марціалъ говоритъ объ немъ:

Crispus Romana primus in historia.

„говоритъ Квинтиліанъ, перевелъ много „съ Греческаго.“ Должно думать, что сіи слова относятся къ другимъ сочиненіямъ Саллустія, которыя не дошли до насъ: извѣстно, что онъ написалъ большую часть Римской Исторіи. Но подражая краткости Ѳукидида, онъ имѣетъ болѣе силы, и самъ Квинтиліанъ замѣчаетъ это различіе. „Изъ Греческаго исто„рика — говоритъ онъ — не смотря на „краткость его, можно что нибудь вы„кинуть: сіе уменшитъ пріятность по„вѣствованія, но полнота мыслей оста„нется та же. Еслижъ у Саллустія от„нять хотя одно слово, то смыслъ по„вреждается: и сего то не чувствова„лъ Титъ Ливій, который порицалъ его „за то, что онъ обезображиваетъ и осла„бляетъ мысли Грековъ, и который пред„почиталъ ему Ѳукидида — не потому, „что онъ болѣе любилъ сего послѣдняго, „но потому, что онъ его не столь боял„ся, и поелику думалъ, что отдадутъ „ему преимущество предъ Саллустіемъ „скорѣе, ежели будетъ предпочитать Ѳу„кидида своему сопернику.“

Сіе мѣсто показываетъ, что и Титъ Ливій, коего нравъ почитается столь

же пріятнымъ какъ слогъ его, не могъ предохранить себя отъ зависти. Чтобы не имѣть сего порока, неразлучнаго съ несовершенствомъ человѣка, не довольно великаго дарованія, которое впрочемъ очень рѣдко; должно имѣть и великую душу, которая еще рѣже.

Авлугеллій называетъ Саллустія *знатокомъ въ краткости и вводителемъ старыхъ словъ.* „Пріятность Саллустія, „говоритъ онъ, красота его выраженій „и стараніе изыскивать новыя выраже„нія, нашли много порицателей, даже „между знатнѣйшими дюдьми: во множе„ствѣ критическихъ замѣчаній, сдѣлан„ныхъ на его сочиненія, хотя и нахо„дятся основательныя, но есть и такія „гдѣ видно болѣе злобы, нежели справед„ливости.“

Между обвинявшими, Саллустія въ неясности и въ охотѣ вводить старыя слова, былъ Юлій Цезарь, которыи любилъ его и составилъ ему щастіе, и славный Азиній Полліонъ, человѣкъ съ самымъ разборчивымъ вкусомъ, бывшій покровителемъ ученыхъ и хорошимъ писателемъ. Онъ и Саллустій учились у одного учителя. Сей учитель, по имени

Претекстатъ, замѣтивъ въ Саллустіѣ склонность къ Исторіи, далъ ему сокращеніе всей Римской Исторіи съ тѣмъ, чтобы онъ описалъ какую нибудь часть оной. Сначала написалъ онъ исторію о заговорѣ Катилины, коего былъ очевидцомъ, а потомъ и о войнѣ Югурты.

Онъ сочинилъ исторію о междуусобныхъ войнахъ Марія и Силлы до смерти Серторія, и о возмущеніи Лепида, побѣжденнаго Катуломъ. Но это драгоцѣнное сочиненіе погибло: мы имѣемъ изъ него только нѣкоторые отрывки.

Нравственныя его качества были порицаемы болѣе, чѣмъ его творенія. Должно думать, что развратное поведеніе его, о которомъ говоритъ Горацій въ своихъ сатирахъ, простиралось до высочайшей степени: ибо онъ, не смотря на знатное происхожденіе, былъ изгнанъ изъ Сената Цензоромъ Аппіемъ Пулхеромъ.

Саллустія упрекаютъ въ гнусномъ лицемѣріи. Утверждаютъ, что онъ, показывая строгую нравственность въ сочиненіяхъ, хотѣлъ чрезъ то ослѣпить своихъ читателей и обмануть современниковъ и потомство; что онъ въ-

дилъ старинныя выраженія только для того, дабы увѣрить, что нравы его, также какъ и слогъ, отзывались простотою и добродѣтелію древнихъ Римлянъ; что онъ занималъ много словъ изъ Катоновой книги *о происхожденіяхъ*, дабы думали, что онъ и душевными свойствами походитъ на Катона. Ленасъ, отпущенникъ Помпея, называлъ Саллустія *весьма неискуснымъ воромъ Катоновымъ*.

Чрезъ дарованіе свое, или чрезъ ласкательство, а можетъ быть чрезъ то и другое, получилъ онъ отъ Цезаря Преторское достоинство, а послѣ Африканской войны, во время которой онъ ревностно служилъ Цезарю, отправленъ былъ въ Нумидію съ званіемъ Пропретора. Тамъ собралъ онъ величайшее богатство, и наслаждался имъ шѣмъ съ большею пріятностію, что прежде былъ весьма бѣденъ. Онъ купилъ славные сады, извѣстные послѣ подъ именемъ садовъ Саллустія, и прекрасный загородный домъ близъ Тиволи. Народъ, ввѣренный его управленію, обвинилъ его предъ Цезаремъ въ лихоимствѣ; но онъ избѣгалъ наказанія, отдавъ часть награбленныхъ имъ сокровищъ Диктатору, и провелъ всю жизнь свою въ роскоши.

О Тацитѣ нельзя сказать, какъ о Саллустіѣ, что онъ былъ добродѣтеленъ только на словахъ. Онъ заставляетъ читателей своихъ любить добродѣтель, которою самъ дышетъ. Слогъ его величественъ, какъ душа его; живописателенъ, но безъ излишнихъ украшеній, краткъ, но не темненъ, важенъ, но не надутъ: онъ говоритъ вмѣстѣ и душѣ и воображенію и уму. О читателяхъ Тацита можно судить по отзыву ихъ о его достоинствѣ: ибо мысли его выражены такимъ образомъ, что всякой проницаетъ въ нихъ болѣе или менѣе, то есть, какъ позволяютъ ему силы его. Хотя въ слогѣ его не примѣтно такой отработки, какъ у Саллустія, но онъ несравненно полнѣе и совершеннѣе. Прелесть его слога, до которой никогда не достигнутъ, зависитъ не только отъ его генія, но и отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находился. Сей добродѣтельный человѣкъ, котораго первые взоры, по выходѣ его изъ дѣтства, устремились на ужасы двора Неронова, который видѣлъ послѣ постыдное поведеніе Галбы, развратъ Вителлія и неистовство Отона; который дышалъ свободнѣе при Веспасі-

анѣ и Титѣ, былъ принужденъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ сносить въ молчаніи гнусное царствованіе Домиціана. Тацитъ былъ незнатнаго происхожденія. Получивъ званіе Квестора и находясь на степени почестей, онъ долженъ былъ страшиться за семейство свое, которое не имѣло, кромѣ его, никакой подпоры; онъ принужденъ былъ дѣлать насиліе великой душѣ своей и строгимъ своимъ правиламъ, и снисходить, хотя не до подлости придворнаго, но по крайней мѣрѣ до повиновенія подданнаго, который не долженъ ничего охуждать, ежели не желаетъ своей погибели. Онъ неспособенъ былъ заслужить дружество тирана, но и не хотѣлъ обратить на себя его ненависть; принужденъ былъ скрывать часть своихъ дарованій и достоинствъ, чтобъ не озлобить тиранство; заглушать безпрестанно раздраженное свое сердце, оплакивать тайно бѣдствія отечества и смерть честныхъ гражданъ, и даже удерживаться отъ сей наружной печали, которую долговременная принужденность изображаетъ на лицѣ добродѣтельнаго человѣка, и которая всегда подозрительна худому Государю, знаю-

щему, что при дворѣ его должна печалиться только добродѣтель.

Въ семъ тягостномъ состояніи Тацитъ излилъ на бумагу скорбь свою и негодованіе, которыхъ не могъ уменьшить другимъ образомъ. Вотъ почему слогъ его столь занимателенъ и столь живъ. Въ укоризнахъ своихъ онъ не декламаторъ, и человѣкъ сильно тронутый не можетъ быть онымъ; но онъ изображаетъ столь яркими красками все, что подлость и рабство имѣютъ отвратительнаго, все, что деспотизмъ и жестокость имѣютъ ужаснаго, надежды и успѣхъ злодѣяній, блѣдность невинности и уныніе добродѣтели; онъ изображаетъ все, что видѣлъ и претерпѣвалъ, столь живо, что читатели видятъ и страдаютъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ проситъ у нихъ прощенія, что обращаетъ вниманіе ихъ на такія ужасы, но между тѣмъ ужасы сіи повѣствуетъ такъ, что читатели сожалѣли бы, еслибъ онъ не описалъ ихъ. Кажется, что тираны наказуются, когда онъ ихъ изображаетъ. Онъ представляетъ потомство въ самомъ величественномъ видѣ, и я не знаю никакаго чтенія ужаснѣйшаго для худаго Государя.

Говорили, что онъ видѣлъ во всемъ только одно зло, и клеветалъ на природу человѣческую. Но въ его время онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ клеветѣ. И можноли подумать, что бы тотъ, кто изобразилъ послѣднія минуты Германика, Бареи, Θразеаса; кто написалъ похвалу Агриколѣ, не видѣлъ добродѣтели тамъ, гдѣ была она? Жизнь Агриколы есть образецъ Біографій; она есть превосходнѣйшее сочиненіе Тацита, у котораго все превосходно. Онъ писалъ ее во время тишины и щастія. Царствованіе Нервы, который сдѣлалъ его Консуломъ, и наконецъ царствованіе Траяна утѣшали его въ томъ, что онъ былъ Преторомъ при Домиціанѣ. Слогъ сего сочиненія пріятнѣе и трогательнѣе; кажется, что Тацитъ начинаетъ прощать. Здѣсь-то находимъ сей урокъ, столь прекрасный и полезный: „примѣръ „Агриколы, говоритъ Историкъ, научаетъ насъ, что можно быть великимъ „и при худомъ Государѣ, и что благора„зумная покорность, соединяемая съ да„рованіями и твердостію, можетъ дос„тавить иную славу кромѣ той, до ко„торой достигли люди пылкіе, искавшіе

„токмо знаменитой смерти, но безпо-
„лезной для отечества."

Тацитъ женился на дочери сего Агриколы, котораго жизнь имъ описана, и который былъ одинъ изъ величайшихъ людей своего времени. — Онъ былъ въ короткой связи съ младшимъ Плиніемъ; многія письма сего остроумнаго писателя доказываютъ дружбу и уваженіе его къ Тациту. Недавно начали чувствовать его достоинство. Педанты, которые не знали, что можно писать другимъ слогомъ какъ Цицеронъ, почитали Тацита второстепеннымъ писателемъ, неяснымъ и принужденнымъ. Симъ людямъ можно бы было припомнить слова Юста Липсія, на котораго въ другихъ случаяхъ я не сталъ бы ссылаться. Вотъ, что говоритъ онъ дурнымъ слогомъ, но очень благоразумно: „на каждой страни-
„цѣ, на каждой строкѣ Тацита найдешь
„умное, найдешь совѣтъ, аксіому: но онъ
„столь быстръ и столь кратокъ, что
„нужно имѣть много проницательности,
„дабы слѣдовать за нимъ и разумѣть
„его. Не всѣ собаки слышатъ дичь, не
„всѣ читатели разумѣютъ Тацита."

Мы не знаемъ достовѣрно, когда жилъ Квинтъ Курцій; одни говорятъ, что при Августѣ, другіе, при Веспасіане, а нѣкоторые, при Траянѣ. Фреинсгемій прибавилъ къ исторіи его, пострадавшей отъ времени, двѣ первыя книги и часть послѣдней. Слогъ Квинта Курція весьма украшенъ. Онъ отличается описаніемъ сраженій. Славная его рѣчь Скифовъ прекрасна. Подозрѣваютъ, что онъ позволялъ себѣ романическія украшенія въ исторіи своего Героя, но, кажется, это обвиненіе не основательно. Онъ не скрываетъ ошибокъ и дурныхъ свойствъ Александра; что же касается до справедливости произшествій, то прочитавъ разсужденіе Тита Ливія объ успѣхѣ, который имѣлъ бы сей завоеватель, еслибъ перенесъ оружіе свое въ Италію, можно увидѣть, что Римляне, по покореніи Македоніи, достали весьма хорошія о немъ записки.

Жизнь Светонія мало извѣстна. Отецъ его былъ Легіонный трибунъ, и служилъ въ войнахъ Отона и Вителлія. Светоній былъ Секретаремъ у Императора Адріана, но лишился сего мѣста за вольное обхожденіе съ Императрицею Сабиною.

Онъ былъ въ дружбѣ съ младшимъ Плиніемъ, который въ одномъ письмѣ своемъ весьма хвалитъ нѣкоторыя его сочиненія, и проситъ, чтобъ онъ издалъ ихъ въ свѣтъ. Светоній писалъ много, но изъ всѣхъ его сочиненій дошли до насъ только жизнь Граммашиковъ и Исторія первыхъ двенадцати Цезарей. Хотя Светонія нельзя назвать краснорѣчивымъ писателемъ, но онъ имѣетъ свое достоинство. Исторія его весьма любопытна: онъ съ величайшею подробностію описываетъ всѣ произшествія. Повѣствуя жизнь Цезарей, онъ разсказываетъ не только то, что они дѣлали, но и то, что объ нихъ говорено было. Однакожъ изобилуя подробностями, онъ скупъ на разсужденія: онъ разсказываетъ не останавливаясь, не принимая ни въ комъ участія, не расточая ни похвалъ, ни порицаній; онъ не имѣетъ ни любви ни ненависти къ людямъ, которыхъ описываетъ, и предоставляетъ судить объ нихъ читателю; часто говоритъ о произшествіяхъ по наслышкѣ, но за нихъ не ручается. Не смотря на сію осторожность, Линге, сочинитель книги *о переменахъ въ Римской Имперіи*, обвиняетъ

Свешонія въ слабоуміи, и говоритъ даже, что всякое произшествіе, ежели объ немъ повѣствуетъ сей Историкъ, не заслуживаетъ ни какого вѣроятія. Онъ долженъ бы былъ вспомнить, что всѣ сіи общія утвержденія почти всегда бываютъ ложны, и что, дабы лишить Историка всѣхъ правъ на довѣренность потомства, надобно доказать, что онъ находилъ какую нибудь выгоду въ обманахъ, или былъ совсѣмъ безъ разсудка. Но прочитавъ нѣсколько страницъ Свешонія, можно увѣриться, что онъ не держался никакой стороны и былъ совершенно безпристрастенъ. Къ тому жъ весьма трудно повѣрить, что бы Адріанъ, который былъ человѣкъ весьма умный, выбралъ себѣ въ Секретари глупца, а Плиній, писавшій всегда съ такою осторожностію, сталъ хвалить безумнаго.

(Оконч. въ слѣд. Нум.)

На Разрушеніе Москвы.

Челомъ во прахъ! — Благоговѣйте,
О сильные земли! — Эгова возгремѣлъ!..
Во трепещѣ виновныхъ слезъ не лѣйте;
Его такъ промыслъ восхотѣлъ,
Чтобы сбылось несбыточно явленье,
Чтобъ мудрые во изумленье
Познали въ силѣ суету,
И въ мудрости мечту.

Москва, владычица полміра,
Мать храбрыхъ изкони, обитель музъ, любви,
Страдальца тихій кровъ и упованье сира,
Объята пламенемъ и тонетъ во крови.....
Но гдѣжъ безстрашныхъ миліоны?.....
Предъ ней — за ней — кругомъ,
Скрежещутъ въ ярости сразиться со врагомъ.

Но тако гибли Вавилоны,
Когда предвѣчные законы
Погибель изрѣкли.
Ни мудрыхъ Волхвованья,
Ни сильныхъ состязанья
Отъ Рока не спасли.

Вспоенный кровью Тигръ, бичь роковой десницы,
Полсвѣта воруживъ и лестью и мечомъ,
Обильный въ хитростяхъ шашей, Цареубійцы,
Пришелъ Петровъ разрушить домъ,

И въ дерзостномъ мечтаньи
Мнитъ—„ждутъ меня не брань, одни рукоплесканьи.
„Я чрезъ глашатая рабамъ
„Свободу дамъ,
„И прахъ отъ ногъ моихъ священнымъ имъ явится.„
Очнися гордый врагъ отъ сладкой дремоты!
Не встретишь здѣсь рабовъ — влечешь ихъ сонмы ты;
Россъ Россомъ быть всегда здѣсь праведно гордится!
Любезенъ намъ отцевъ и прадѣдовъ законъ;
Мы всѣ его рабы, владыко намъ лишь онъ.
И се во гнѣвѣ Богъ и въ милостяхъ богатый,
Россіянъ поразя, простеръ къ нимъ щедру длань:
Въ нихъ мѣсти духъ горитъ, кипитъ кровава брань.
Уже въ побѣдахъ врагъ крылатый
Позналъ Россіянъ чудну мощъ!
Трепещетъ страха въ изумленьи,
Мечь гложетъ свой въ остервененьи
И рыщетъ въ ужасѣ, какъ скимнъ въ глубоку нощь.
Въ Москвѣ — отвсюду смерть зіяетъ,
Въ лѣсахъ — съ нимъ блѣдный гладъ блуждаетъ,
Въ поляхъ — Россійскій станъ.....
Убійца, ужасомъ и думой обуянъ,
О славѣ позабылъ, лишъ мыслитъ о спасеньи.

Со ядовитыхъ устъ, въ обманчивомъ смиреньи,
Льетъ пагубную лесть и сѣетъ злой обманъ:
„Да будетъ миръ межъ насъ.., — Твой миръ
есть отдыхъ змѣя,
А дружба — ковъ злодѣя!.....
Вражда, кровава брань
И гнусныхъ полчищъ истребленье—
Вотъ договоръ съ тобой, вотъ дружественна дань!
Другихъ союзовъ нѣтъ тому, кто истребленье,
Разбои, грабежи, обѣтовъ нарушенье,
Все, лютости своей позволеннымъ щиталъ;
Изъ грязи кто возставъ, свѣтъ тѣснымъ почиталъ.

Европа, цѣлый міръ къ намъ длани простираютъ;
Народы — тишины, отъятыхъ правъ—цари,
Жертвокуренія—святые олтари
Отъ Россовъ ожидаютъ.

О! Сѣвера предивный сынъ!
Смиренный въ щастіи, въ бѣдахъ великодушный,
Россъ, Богу и Царю законному послушный!
Ты міра участи сталъ нынѣ властелинъ.
Сбери свои всѣ чудны средства,
Подвигнись исполинъ!
Избавь стенящій міръ отъ бѣдства,

И да бразды твоихъ полей
Подъ плугомъ зазвучатъ отъ вражескихъ
костей.
Пусть дерскій въ замыслахъ во времена
грядущи
Заглянетъ въ лѣтопись и сердцемъ содрог-
нетъ;
Послышитъ хладный потъ съ чела его те-
кущій,
Узря, какъ Россъ за зло злодѣямъ воздаетъ.

Иванов.

Къ Д. В. Д.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ;
И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія Царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки Иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —

Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры . . . .
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость;
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы,
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Въ столицѣ вѣтреныхъ Цирцей! —
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! Пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ Героемъ (*),
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ —

(*) Г. Б. *

Мой другъ! доколѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Б.

Отрывокъ изъ Томпсона.

Кто въ мірѣ щастія прямаго цѣну знаетъ
И сельской жизни всѣ пріятности вкушаетъ,
Въ кругу своихъ друзей, отъ шума удаленъ;
О какъ тотъ истинно покоенъ и блаженъ!
Нѣтъ нужды въ томъ ему, что мотъ, богачъ надмѣнный,
Въ чертогахъ золотыхъ, льстецами окруженный,
Обманывая ихъ, обманутъ всякой часъ;
Нѣтъ нужды, что на немъ алмазы не сіяютъ;
Они лишь тяжестью своей обременяютъ;
Въ одеждѣ онъ простой свободнѣй во сто разъ;
Нѣтъ нужды, что пировъ роскошныхъ онъ не знаетъ,
Что море рѣдкостей ему не доставляетъ,
Что въ кубкѣ у него не пѣнится шакай;
Онъ веселъ, сытъ, здоровъ и не боится скуки.
Ушѣхи мнимыя намъ обѣщаютъ рай,
А наконецъ родятъ раскаянье и муки.
Мудрецъ обманчивой надеждой не прельщенъ,
Онъ и душой своей и всѣмъ обогащенъ;
Обогащенъ весны пріятными дарами,
И лѣтней жатвою и сочными плодами;
И осень для него готовитъ виноградъ,
Віющійся вокругъ столѣтней, гордой ивы.
Когдажъ Борей валитъ пушистый снѣгъ на нивы
То даже и тогда онъ будущимъ богатъ.

Судьба труды его успѣхомъ награждаетъ,
Телицы шучныя млеко ему даютъ,
Овечекъ стадо здѣсь на берегу гуляетъ,
А тамъ шумятъ ручьи и соловьи поютъ,
И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ пьютъ;
Онъ подъ жужжаньемъ ихъ покойно засыпаетъ.

Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ—
Обширныя поля и злачныя долины,
Лѣса пѣнистые, пещеры и стремнины
И быстрый водопадъ съ крутыхъ бѣгущій горъ.

Во храминѣ его невинность обитаетъ,
Простая истина, здоровье, красота;
Притворства нѣтъ ни въ чемъ, никто его не знаетъ,
И совѣсть всякой часъ покойна и чиста.
Во храминѣ его, любови посвященной,
Нѣтъ честолюбія, коварства злаго нѣтъ;
И нѣжный тамъ пѣвецъ, природой восхищенной,
На лирѣ щастіе и радость воспоетъ.

В. Пушкинъ.

Медвѣдь и два охотника.

Охотчика два были.
Продать медвѣжій мѣхъ случилось какъ-то
имъ.
Медвѣдя хоть они еще и не убили,
Но думали убить, и долго ли двоимъ?
И такъ они задатокъ взяли,
Принесть покупщику мѣхъ славной обѣщали,
Поѣли, выпили, пустились смѣло въ лѣсъ
И вдругъ на встрѣчу къ нимъ медвѣдь пырь
изъ берлоги.
У нихъ тутъ подкосились ноги.
Одинъ на сосну взлѣзъ
И сидя на суку крестился;
Другой же мертвымъ притворился,
Ничкомъ на землю палъ,
Не двигался и не дышалъ.
Медвѣдь большой, мохнатой,
Приближился къ нему и такъ его проклятой
Перевернулъ, обнюхавъ, раза два,
Что тотъ едва, едва
Не закричалъ, и кой ужъ какъ скрѣпился.
Но, слава Богу! наконецъ
Звѣрь страшной удалился.
Смѣльчакъ въ низъ съ дерева спу-
стился;
Открылъ глаза мертвецъ,
Ощупалъ самъ себя, вздохнулъ и приподнялся. —
Съ тобою, братъ, медвѣдь шепталсяТоварищъ у него спросилъ—

Скажи, что на ухо тебѣ онъ говорилъ. —
„Что по порядку должно
Медвѣдя напередъ убить,
А послѣ этого ужъ можно
И мѣхъ его продать и пить.“

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Краткое замѣчаніе

О Заволоцкой Чуди.

Заволоцкая или Заволоческая Чудь принадлежитъ къ тѣмъ племенамъ, кои въ древности составляли Россію и кои въ поздныя времена едва оставили память бытія своего въ древнихъ именахъ, сохраненныхъ Лѣтописцами. Тѣмъ не менѣе однако важно для Исторіи Отечества нашего и въ наше время отыскивать слѣды первобытныхъ обитателей онаго, предковъ нашихъ. Сію истинну всегда чувствовали бытописатели наши, и болѣе или менѣе успѣвали приводить оную въ извѣстность и ясность: но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается еще многое не изслѣдованное, не объясненное, или сомнительное, доказательствомъ чего служитъ можетъ наименованное мною племя.

Пр. Несторъ, отецъ отечественной Исторіи нашей, изчисляя народы древнюю Россію насѣлявшіе до призванія еще Рурика на княженіе Новгородское, упо-

минаетъ о Заволоцкой Чуди, какъ народѣ отличномъ отъ прочихъ; но будучи скупъ на слова, ни о точномъ мѣстѣ сего племени, ни о свойствахъ онаго, ни о дѣлахъ не говоритъ ничего обстоятельно, хотя и упоминаетъ о немъ въ 1042 году подъ именемъ Еми (1), если только согласишься съ Татищевымъ, что Емь составляла часть Заволочья и что, кажется, подтверждаетъ самъ Несторъ, повѣствуя о походѣ Князя Глѣба Святославича изъ Новагорода въ 1078 году на Емь въ Заволочье (1). — Продолжатели Несторовой лѣтописи также упоминаютъ о семь племени, на примѣръ: въ 1148 году говоря о походѣ Новгородцевъ, Псковичей, Карелы, Чуди и Заволчанъ съ в. Княземъ Изяславомъ II къ Волгѣ (3); но вездѣ впрочемъ спольже не опредѣлительно.—Равнымъ образомъ упоминается Заволочье (мѣсто Заволоцкой Чуди) въ Новгородскихъ грамотахъ, къ разнымъ Князьямъ писанныхъ, 1263, 1309, 1326 годовъ и позже (4), изъ коихъ одна-

(1) Татищева Рос. Исторіи кн. II. стр. 107. прим. No 246

(2) Тамъ же стр. 132. — (3). Тамъ же стр. 336.

(4) Древн. Россійск. Вивліоѳ. 2 е издан. томъ I.

ко видно только то, что въ сіи времена составляло оно волость Новгородскую. Сверхъ сего лѣтописи повѣствуютъ еще, что Заволочье не рѣдко привлекало на себя силы Новгородскія, что Заволочане составляли народъ не только воинственный, но и имѣвшій нѣкоторую степень гражданскаго образованія, какъ доказываютъ то упоминаемыя въ лѣтописяхъ строенія городовъ и укрѣпленія оныхъ (5); что переходили они изъ подданства Новугороду въ подданство Московскому княженію и обратно; а напослѣдокъ по покоренію в. Княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1464 году Новагорода и волостей онаго, въ числѣ коихъ находилось и Заволочье, великому княженію Московскому, изчезло и имя особаго сего племени вмѣстѣ съ прочими въ имени одного народа Великороссійскаго.

Таково было теченіе политическаго бытія Заволоцкой Чуди съ IX по крайней мѣрѣ, до изхода XV вѣка.—Историки

(5) Лѣтописецъ Двинской въ I ч. Опыта Трудовъ Вольнаго Россійск. Собранія.—Новгородскій, помѣщенный въ продолженіи древн. Росс. Вивл.—Ташищ. Исторіи кн. IV стр. 150 и индѣ.

не доставили намъ подробнѣйшихъ свѣдѣній о семъ племени и даже не сказали ни чего почти точнаго о мѣстѣ онаго подобно Пр. Нестору: но руководствуясь соображеніемъ разныхъ обстоятельствъ, къ сему относящихся,—самыми словами тѣхъ же Историковъ и нѣкоторыми особенными замѣчаніями, постараемся, сколько возможно, означить настоящее мѣсто Заволочанъ и объяснить то, о чемъ умолчали бытописатели.

По первому взгляду, кажется, не нужно бы входить въ особенныя изслѣдованія для опредѣленія мѣста Заволоцкой Чуди, читая въ Двинскомъ лѣтописцѣ (6), что такъ назывались сперва, то есть до просвѣщенія Россіи Св. Крещеніемъ, жители береговъ сѣверной Двины; но сіе извѣстіе, какъ легко примѣтить можно, крайне недостаточно для точнаго опредѣленія мѣста, нами отыскиваемаго: ибо одинъ или и оба берега Двины не довольно обширны и удобны для помѣщенія такого народа, который имѣлъ города, погосты, деревни, и копо-

(6) Напечатанномъ въ Опытѣ Трудовъ Вольн. Росс. Собр. ч. I. стр. 113.

рый могъ выставить въ поле 12000 ратниковъ (7), или платить дань въ 5000 (8), или окупъ въ 2000 рублей и 3000 лошадей (9). Итакъ Заволоцкая Чудь должествовала занимать довольно обширное пространство и населять места не на однихъ берегахъ упомянутой рѣки. Впрочемъ изъ лѣтописей, упоминающихъ о походахъ на Заволочье, или, что все одно и тоже, за *волокъ*, равно и о военныхъ дѣлахъ Заволочанъ, видно, что Двина составляла границу, такъ сказать, Заволоческой земли: ибо нигдѣ не упоминается, чтобы походы за волокъ простирались также и за Двину. Слѣдственно Заволочане населяли часть земли по лѣвую сторону Двины, за которою къ востоку жило особое племя, именованное отъ историковъ Юграми (10). Татищевъ говоритъ, что отъ древней Лопи, или нынѣшней Лапландіи, къ востоку и по Двинѣ жили Двиняне (11);

(7) Тамъ же стр. 121. — (8) Тат. Ист. кн. IV, стр. 317.— Арханг. лѣтоп. стр. 92.

(9) Двинской же лѣтопис. стр. 117. — Архангелогородскій лѣтописецъ отъ 852 до 1598 года, напечат. въ Москвѣ 1781 г. стр. 100.

(10) Татищ. Истор. кн. I, ч. 2, стр. 313. (11) Тамъ же.

или, какъ говоритъ Шлецеръ, по лѣвому берегу Двины между Кареліи къ западу и Перміи къ востоку (12); а сіе и показываетъ уже, что Заволоческая земля къ востоку ограничивалась Двиной, къ сѣверу бѣлымъ моремъ, къ западу Лапландіею или Кареліею; изъ чего, кажется, съ довольною вѣроятностію заключать можно, что волокъ, за коимъ жили Заволочане, составлялъ границу земли ихъ къ югу. Но дабы сію вѣроятность сколько возможно болѣе приближить къ исторической истинѣ или обратить въ оную, то, кажется, необходимо нужно найти мѣсто сего *волока*.

Историки наши упоминаютъ о *волокахъ* въ разныхъ мѣстахъ; равнымъ образомъ встрѣчается у нихъ и *Заволочье* особое отъ нашего: но какъ они отдалены отъ тѣхъ мѣстъ, кои населены были Заволоческою Чудью, то я и ограничусь изысканіемъ только того *волока*, который отдѣлялъ, собственно такъ сказать, Новгородскую область отъ Заволоческой земли.

---

(12) Несторъ, Шлецеромъ изданный. Россійск. перевода ч. I. стр. 70.

Знаменитый критикъ Нестора Шлецеръ, принявъ за основаніе, что *волоколъ* по Россійски называется узкое пространство земли между двухъ рѣкъ (13), думалъ, что за таковымъ пространствомъ должно искать мѣста Заволоцкой Чуди, — думалъ — не нашелъ — и кончилъ однимъ только заглавіемъ Двинскаго лѣтописца, въ коемъ имянно сказано, что Двинскіе жители сперва назывались Заволоцкою Чудью. — Точно также предполагалъ весьма еще недавно Г. Арцыбышевъ, въ сочиненіи своемъ *о первобытной Россіи и ея жителяхъ* (14), съ тою только разностію, что мнѣніе Шлецера желалъ подкрѣпить своею догадкою, говоря: „Заволоцкой народъ вѣроятно слылъ Заволоцкимъ потому, что Новгородцы Волховымъ, Ладожскимъ озеромъ и Свирью, могли доплыть до озера Онеги, отъ котораго, или отъ рѣки Волды до рѣки Онеги, по пути къ Двинѣ, надобно перейти *волокъ* (15); слѣдовательно все то, что находится за Онегою, должно ес-

(13) Тамъ же стр. 68. Словарь Россійк. Академіи стр. 770.

(14) Напеч. въ С. П. Б. 1809 года. стр. 22.

(15) *Пространство между двухъ судоходныхъ рѣкъ* — Тамъ же.

шественно называться *заволочьемъ*.“ Но какъ Шлецеръ, такъ и Г. Арцыбышевъ, опустили здѣсь то, что слово *волокъ* имѣетъ два различныя значенія: кромѣ того, что оно означаетъ пространство между рѣками, гдѣ должно переволакивать суда по сухому пути, симъ именемъ называются дальніе переѣзды чрезъ лѣса (16), или лѣсистыя и необитаемыя мѣста, гдѣ на великомъ разстояніи нѣтъ жителей (17), каковое названіе употребляется и нынѣ для такихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной полосы Россіи. — Слѣдственно мѣсто Заволоческой Чуди отдѣлялось отъ Новгородскаго округа или рѣками, или лѣсами; но какъ то и другое можетъ быть справедливо, то постараемся историческими произшествіями рѣшить, что должно здѣсь разумѣть подъ словомъ *волокъ*.

„Въ лѣто 6850 (1342) Лука Варѳоломеевъ не послушавъ Новагорода . . . . . поѣха за Волокъ на Двину, и поставиградъ Орлецъ, и скопивъ Емчанъ, взя

(16) Татищева Ист. кн. II. стр. 167.

(17) Лепехина путешествія ч. III. стр. 202. — Засѣцкаго извѣстія о Вологдѣ стр. 21.

землю Заволоческую по Двинѣ, всѣ погосты на щитъ. Въ тоже время сынъ его Анцыфоръ отходилъ на Вагу (*у Татищева*, можетъ быть ошибкою, сказано, *на Волгу*); Лука же въ 200 человѣкахъ выѣха воевать, и убиша его Заволочане.„ (18)

„Въ лѣто 6906 (1398) Новгородцы.... ходиша за Волокъ ратію...., а всего воинства было съ ними 3000 (*по Двин. лѣтоп., а по Архангелогор.* 8000), и повоеваша Бѣлоозерскія волости, ... и Кубенскія волости и Галическія (для завоеванія коихъ *по Архангел. лѣтоп. отдѣлено было* 3000 *человѣкъ*) взяша на щитъ, и Успюгъ (къ коему *по Арханг. лѣтоп.* пришли *въ соймахъ* т. е. водою) повоевавъ пожгоша, и подъ Орлецомъ городкомъ стояша мѣсяцъ, бьючи пороки. Заволочане же съ городка убиша Левушку дичного. Новгородцы же взяша Орлецъ городокъ, скопаша и разгребоша.„ (19)

„Въ лѣто 6909 (1401) Князя великаго Василія Дмитреевича повелѣніемъ Аиѳалъ

(18) Двинск. лѣтоп. стр. 116. — Татищ. Ист. кн. IV. стр. 150.

(19) Двинск. лѣтоп. стр 117. — Архангелог. лѣт. стр. 98. — Таш. Ист. кн. IV. стр. 391.

Никитинъ да братъ его Герасимъ Рострига съ Устюжаны (*Великаго Князя съ ратію по Двинс. лѣтоп.*) на Двинскую землю за Волокъ наѣхавъ безвѣстно повоевали, и посадниковъ изпоимали. И посадники Важьскіе съ Важаны скопившеся, и пріидоша на нихъ на Колмогорахъ . . . . . и бишася съ ними, и выбиша бояръ Новгородскихъ . . . . . и разыдошася.„ (20)

„Въ 1169 г. Двиняне отрѣкшись платить дань Новугороду предались подъ защиту Великаго Князя Владимирскаго Андрея Боголюбскаго; почему Новгородцы послали отъ себя Даниславa Лазушанича съ 400 людей для взятія съ нихъ дани. Напротивъ и отъ Князя Андрея послано было для подкрѣпленія Двинянъ 7000 человѣкъ, которые съ обѣихъ сторонъ вступились на Бѣлѣ озерѣ и имѣли сраженіе нещастливое для Двинянъ (21)„ Въ лѣто 6677, иде Даньславъ Лазушиниць за Волокъ данникомъ съ дружиною; и присла Андрей пълкъ свой нань, и бишася съ ними; и бѣже Новгордьцъ

(20) Арханг. лѣт. стр. 102. — Двинск. лѣт. стр. 118. — Тат. Ист. кн. IV. стр. 407.

(21) Щербатова Росс. Истор. ш. 2. кн. 6 стр. 321.

400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьцъ 15 мужъ.„ (22) Татищевъ повѣствуя о семъ произшествіи съ нѣкоторою разностью, говоритъ однако, что оба отряда имѣли сраженіе на Бѣлѣ озерѣ (23).

Сіи мѣста лѣтописей и нѣкоторыя иныя, кои за краткостью сего замѣчанія не привожу, побуждаютъ думать, что Волокъ, за коимъ имѣла селѣнія Заволоческая Чудь, не есть пространство между Водлою и Онегою, но болѣе приближенное мѣсто къ Бѣлуозеру; ибо вовсе не вѣроятно, что бы Новгородцы по пути, предположенному Г-мъ Арцыбышевымъ и ни чѣмъ недоказываемому, ходили чрезъ волокъ его на Бѣлоозеро, къ коему, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ мѣстъ, направляемы были движенія войскъ Новгородскихъ, посыланныхъ на Заволочье. Сверхъ сего лѣтописи говоря о походахъ на Заволочанъ, имянно упоминаютъ о городахъ или селѣніяхъ, сему племяни принадлежавшихъ, или съ онымъ

(22) Лѣтописецъ Новгородскій отъ 1017 до 1352 г. Печ. въ Москвѣ 1781 г. стр. 37 — 8.

(23) Татищева Ист. кн. III. стр. 173. —

сосѣдственныхъ, какъ то: Орлецѣ, хотя уже нынѣ и несуществующемъ, Холмогорахъ, Устюгѣ, Вельскѣ, Бѣлѣозерѣ и даже Кубенскихъ волостяхъ (24), и ни слова не говорятъ о мѣстахъ, на пути Г-на Арцыбышева находящихся, ни о водахъ, кои могли бы подать поводъ къ важнымъ приключеніямъ, каково озеро Ладожское въ особенности и Онежское, переѣздъ чрезъ кои затруднителенъ и опасенъ. Сверхъ того сооруженіе судовъ, потребныхъ для сего пути, могло бы быть всегда обременительно, а переволакиваніе оныхъ еще болѣе. Еслиже присовокупить къ сему еще мѣстныя обстоятельства нынѣшней Олонецкой губерніи, чрезъ которую предположенъ путь Г-мъ Арцыбышевымъ, и Новгородской, чрезъ которую сухимъ путемъ должно проходить къ Бѣлуозеру и далѣе въ нынѣшнюю Вологодскую губернію; то предположеніе Г-на Арцыбышева еще болѣе, по мнѣнію моему, теряетъ свою вѣроятность. Соображая же все сіе, кажется, съ большею основательностію слѣ-

(24) Онъ же кн. I. стр. 313 говоритъ, что въ странѣ Двинянъ градъ древній Колмогардъ, а послѣ Русскими построены: Тотьма, Вага, наконецъ Архангельскъ.

дуетъ разумѣть подъ именемъ изслѣдываемаго нами *волока* пространство между Ладожскимъ и Бѣлымъ озеромъ, которое чрезъ впадающія рѣки, по свидѣтельству Татищева (25), именуется въ Новгородской исторіи *волоколмъ*. Но какъ и сіе объясненіе подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію отъ того, что Татищевъ не показываетъ, въ какой Новгородской исторіи и гдѣ упоминается сей *волокъ*, за коимъ бы съ достовѣрностію можно было полагать мѣсто Заволоческой Чуди, отличаемой нѣсколько Исторіею отъ Двинянъ или Двинскаго собственно племени (26); то я смѣю изложить о семъ предметѣ мое мнѣніе и подтвердить оное возможными для меня доказательствами.

Между различными остатками древности, до нашего времени уцѣлѣвшими въ Вологодской Губерніи, отъ города Вологды во 120, а отъ большой Архангелогородской дороги въ 10 верстахъ, при рѣкѣ Сянжемѣ есть земляный валъ, имѣ-

(25) Татищева же Росс. Истор. кн. II. стр. 468. Примѣчаніе подъ No. 388.

(26) Двинской лѣтоп. въ Опытѣ Труд. Больш. Россійск. Собр. ч. I. стр. 121.

ющій видъ городоваго укрѣпленія, около сажени выпиною, — который тамошніе жители называютъ *Чудиломъ* или *Чуднымъ* городомъ (27), и по словесному преданію, изъ поколенія въ поколеніе переходившему съ неизвѣстнаго времени, сказываютъ, что тамъ жила, нѣкогда какая-то *Чудь*. — Въ той же сторонѣ есть особенный, такъ сказать, округъ, именуемый издавна *Заволочьемъ*. — Между тѣмъ лѣтопись Спасокаменнаго монастыря, на каменномъ островѣ Кубенскаго озера бывшаго, повѣствуетъ, что до основанія еще онаго около 1260 года Бѣлозерскимъ Княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ, найдены имъ были на семъ островѣ 23 пустынножительствующихъ старца, кои, давно уже поселившись на ономъ, занимались обращеніемъ въ православную вѣру нашу *Чудскихъ* и Карельскихъ племенъ, около сѣверовосточнаго наипаче края Кубенскаго озера живщихъ (28); откуда явствуетъ, что *Заволоческая Чудь*,

---

(27) Извѣстія о Вологдѣ Засѣцкаго, печ. въ Москвѣ 1780 г. стр. 21.

(28) Исторія Россійской Іерархіи, Москва 1812 г. Томъ IV. стр. 329.

насѣлявши въ древности довольно знатную часть нынѣшней Вологодской Губерніи, кромѣ Архангельской и Олонецкой, простиралась, если не до самаго города Вологды, то, по крайней мѣрѣ, до Вологодскаго уѣзда, по направленію къ Вологдѣ отъ сѣвера. Поколикуже ближе сего мѣста къ Новугороду историки не показываютъ уже селеній Заволоцкой Чуди, упоминая о жившемъ въ древности около Бѣлаозера особенномъ племени подъ именемъ *Вѣси* (29), въ лѣвую сторону отъ Кубенскаго озера; а между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ или по берегамъ оныхъ, также объ особенномъ подъ названіемъ *Ели* (30), и ограничивая

---

(29) Тат. щева Росс. Истор. кн. II. стр. 6. — Шлецеровъ Несторъ ч. I. стр. 185.

(30) Его же Росс. Истор. кн. I. ч. 2. стр. 525. — Шлецеръ въ Несторѣ ч. I. стр. 85, 86, помѣстилъ *Ель* или *Ямь* около нынѣшняго Ямбурга, не показывая впрочемъ, отъкуда онъ заимствовалъ сіе мнѣніе. Татищевъ, помѣщая *Ель* въ мѣстѣ, мною приведенномъ, хотя также умалчиваетъ объ источникѣ своего мнѣнія: но находя въ лѣтописяхъ, что *Ель* принадлежала къ Заволочью, и что она составляла отличное отъ Заволочанъ племя, съ основательностію, кажется, полагать можно, что она была съ Заволоцкимъ племенемъ смѣжна; а по сему слова

съ сей стороны Заволочанъ Карелiею: то изъ сего слѣдуетъ, что пограничная черта Заволоческой земли простиралась съ южной стороны отъ Кубенскаго озера къ востоку параллельно съ лѣвымъ берегомъ рѣки Вологды и Сухоны къ великому Успюгу, или началу сѣверной Двины. Далѣе же изъ вышесказаннаго заключишь слѣдуетъ, что *волокъ*, за коимъ обитало изслѣдываемое мною особенное Чудское племя, находился по сю сторону упомянутой южной пограничной черты, по направленiю отъ Кубенскаго озера къ рѣкѣ и городу Вологдѣ; а можетъ быть и все пространство отъ сего города до Кубенскаго озера было называемо въ древности *волоколiемъ*, къ подтвержденiю чего могутъ, если не ошибаюсь, служить слѣдующiя доказательства. — Хотя и не извѣстно, при самомъ ли началѣ города Вологды, и почему, дано оному сiе названiе: но извѣстно изъ житiя Пр. Герасима, пришедшаго въ оный въ

Татищева, по моему мнѣнiю, заслуживаютъ большее вѣроятiе. — Можетъ быть однако, было еще племя, подъ одинаковымъ названiемъ съ сею Емью въ другомъ мѣстѣ жившее и не различенное лѣтописцами. —

1147 и тамъ скончавшагося въ 1178 году, что на мѣстѣ онаго находился *великой лѣсъ* по правому берегу рѣки Вологды (31). Изъ чего хотя и не слѣдуетъ еще заключать, что бы сіе мѣсто было *волокъ*, который впрочемъ можно разумѣть подъ названіемъ *великаго лѣса;* но лѣвая сторона рѣки Вологды, обильная большими лѣсами, и самый берегъ оной въ городѣ Вологдѣ, до XVI, если еще не позже, столѣтія, собственно называвшійся *волокомъ*, (по коему до сихъ поръ, на мѣстѣ срѣтенія возвращеннаго по взятіи Казани образа Пр. Димитрія Прилуцкаго, построенная церковь, носитъ имя Пр. Димитрія на *волокѣ*) служитъ доказательствомъ мною сказаннаго. Кромѣ сего мнѣніе мое подтверждается, если не обманываюсь, тѣмъ еще, что лѣвая сторона рѣки Вологды, или, иначе сказать, пространство оной между сею рѣкою и Кубенскимъ озеромъ, обилуя большими лѣсами, пересѣкается разными поперечными рѣками; а сверхъ того и тѣмъ еще, что изъ Кубенскаго озера судоходная рѣка Сухона, окольною собст-

(31) Извѣстія о Вологдѣ, Засѣцкаго. М. 1780 стр. 28.

венно называемая, до XIV столѣтія не имѣла съ судоходною же рѣкою Вологдою удобнаго для судоходства сообщенія, какъ то видно изъ вышеприведенной мною лѣтописи Спасокаменнаго монастыря (32). Сіи обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, столько, по мнѣнію моему, соотвѣтствуютъ разнымъ понятіямъ о словѣ *волокъ*, что, кажется, даютъ неотъемлемое право на названіе *волока* лѣвой сторонѣ рѣки Вологды, которая вмѣстѣ съ соименнымъ себѣ городомъ, по всему вѣроятію и по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей нашихъ, заняла отъ онаго свое наименованіе. — Сверхъ сихъ обстоятельствъ есть еще одно, заслужи-

---

(32) Истор. Россійской Іерархіи. М. 1812. ш. IV. стр. 330. Примѣч. — См. также извѣстія о Вологдѣ, стр. 34. — Г. *Фризъ*, въ *извѣстіяхъ, служащихъ къ топографическому описанію Вологодской Губерніи*, напечатанныхъ въ ш. III. час. I. Технологическаго Журнала Имп. Академіи наукъ, 1806 года, говоритъ на стр. 7, что *для облегченія судоходства въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сухона соединяется съ Вологдою, по причинѣ весьма излучистаго ея теченія, проведенъ каналъ по Указу Петра I*: но изъ лѣтописи Спасокаменнаго Монастыря видно, что по симъ рѣкамъ судоходство облегчено было первоначально Бѣлозерскимъ Княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ.

вающее особенное вниманіе въ отношеніи къ предположенной мною границѣ Заволочья. При рѣкѣ Вологдѣ въ 3 и 90 верстахъ отъ города, доселѣ существуютъ остатки не извѣстно когда строенныхъ, но древнихъ земляныхъ укрѣпленій, которыя побуждаютъ думать, что владѣтельный Новгородъ, или же Московское Княженіе, защищали оными правый берегъ рѣки вѣрно не отъ друзей своихъ, но отъ тѣхъ безпокойныхъ и упорныхъ сосѣдей, кои жили за лѣвымъ берегомъ оной, или Двиною и Сухоною могли приходить въ Вологду, до XV почти столѣтія непрерывно составлявшую часть Новгородскаго владѣнія, — то есть: отъ обитателей Заволочья, не далеко отъ Вологды имѣвшаго предѣлъ свой. — Историческія воспоминанія о походахъ Новгородцевъ за *волокъ*, выше мною приведенныя, также, кажется, не противорѣчатъ предположенію моему о мѣстѣ сего *волока*. — Соображая же все сіе *Заволочьемъ* должно почитать пространство по ту сторону Бѣла озера, Кубенскаго, и рѣки Сухоны находящееся, съ прочихъ сторонъ ограничиваемое, какъ я приводилъ выше, Двиною, Бѣлымъ моремъ,

Лапландіею и Карелiею; а допуская сполъ знатную обширность земли, нѣкогда насѣленную Заволоческимъ племенемъ, ясно видѣть можно, отъ чего племя сіе могло собирать довольно многолюдныя и сильныя по тогдашнему времени ополченія, и платить великіе налоги.

Впрочемъ еслибъ была или могла быть доказана справедливость словъ Татищева, еслибъ *волокъ*—предѣлъ Заволоческой страны—находился между Ладожскимъ и Бѣлымъ озеромъ: тогда южная граница Заволочья, простираясь отъ Кубенскаго позади Бѣлаозера къ Ладожскому на западъ, содѣлывала бы пространство земли Заволочанъ еще обширнѣе, но закрыла бы собою Карелію; слѣдственно не могла бы далеко простираться по сказанному направленію отъ Бѣла озера, около коего однако признаки бывшаго тамъ *волока* еще никѣмъ не найдены до сихъ поръ, ни въ сторону къ Ладожскому озеру, ни къ Онежскому.

А. Флёровъ.

О Комедіи.

(Изъ словаря Древней и Новой Поэзіи, собраннаго Н. Осиполовымъ.)

Комедія есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, обыкновеній, странностей видимыхъ между людьми.

Отличительное свойство Комедіи заключается въ искусствѣ смѣшить зрителей, какъ самымъ разположеніемъ произшествій, такъ и острыми изрѣченіями; а предметъ ея состоитъ въ томъ, чтобы, показывая намъ смѣшныя странности и погрѣшности другихъ людей, исправлять чрезъ то насъ самихъ, подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. Ridendo castigat mores.

Исторія Комедіи.

Произхожденіе Комедіи покрыто такою же мрачною завѣсою, какъ и произхожденіе Трагедіи; однакожъ утвердительно можно сказать, что трагедія древнѣе комедіи, потому что Греки доводили уже первую до совершенства въ то время, какъ послѣдняя была еще отъ онаго весьма далеко.

Имя перваго между Греками комическаго писателя неизвѣстно. Горацій упоминаетъ о трехъ: о *Евполисѣ*, *Кратиносѣ*, *Аристофанѣ*, и присовокупляетъ, что какъ сіи, такъ и другіе упражнявшіеся въ ономъ родѣ, осмѣивали пороки и даже лица съ чрезвычайною вольностію. Изъ сего видно, что упоминаемые Гораціемъ авторы не одни были, и не первые.

Греческую Комедію раздѣляютъ на *древнюю*, *среднюю* и *новую*.

Древняя, которую Горацій почитаетъ показавшеюся послѣ Есхила, т. е. около 82 Олимпіады, представляла извѣстныя и подъ собственнымъ ихъ именемъ лица, съ подражаніемъ ихъ странностямъ и порокамъ. Сія вольность возрасла наконецъ до такой степени, что Полководцы, Градоначальники, Философы, Ораторы, сдѣлались предметомъ и жертвою сихъ безжалостныхъ Сатиръ; даже самое богослуженіе много отъ нихъ терпѣло.

По введеніи Аристократическаго правленія законы возстали противу сей вольности: запрещено было называть на театрѣ кого либо собственнымъ именемъ. Однакожъ стихотворцы скоро на-

шли средство избѣгать сего принужденія: сходство мазокъ, одежды, тѣлодвиженій, голоса, означало такъ хорошо осмѣиваемыхъ людей, что называли ихъ по имени при первомъ взглядѣ. — Такова была Комедія называемая *Среднею*.

Аристофанъ, къ стыду Аѳинянъ, отличался въ обоихъ сихъ родахъ.

Наконецъ правительство обратило вниманіе и на сію неблагопристойность; оно запретило представлять истинныя прошествія и изгнало съ Театра всякую личность. Тогда стихотворцы увидѣли себя принужденными изобрѣтать и предметы для своихъ комедій и имена дѣйствующихъ лицъ, что очистило и обогатило театръ; ибо комедія перестала иногда быть Мегерою, вооруженною факелами, а сдѣлалась пріятнымъ и невиннымъ изображеніемъ человѣческой жизни. — Съ сего началась Комедія *Новая*.

Менандръ превосходилъ всѣхъ прочихъ писателей въ семъ родѣ и служилъ имъ образцомъ.

Кажется, во всей Греціи одни только Аѳины имѣли настоящую комедію; неизвѣстно, до котораго времени она тамъ продолжалась. Съ прочими иску-

ствами перешла она (по словамъ Сульца) въ Римъ, въ продолженіи 135 Олимпіады, т. е. около 514 года по построеніи Рима. Ее употребляли при священныхъ празднествахъ и, по свидѣтельству Тита Ливія, почитали средствомъ къ умилостивленію Боговъ. *Ludi scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.*—Первыми между Римлянами Комическими стихотворцами почитаются *Ливій-Андроникъ*, *Наконисъ* и напослѣдокъ *Эннiй:* они въ одно время были и авторами и Актерами. Расположеніе ихъ комедій не извѣстно. Цицеронъ говоритъ однакожъ, что творенія Ливія не могли быть читаны два раза. *Livianae Fabulae non satis dignae, quae iterum legantur.* Эннію послѣдовали Плавтъ и Цецилій, кои также, какъ бывшій послѣ нихъ Теренцій, брали свои комедіи изъ Греческаго Театра, предлагая ихъ въ вольномъ переводѣ. Въ царствованіе Августа прославился Комедіями стихотворецъ Афраній, но до насъ не дошло ни одно изъ его сочиненій. Онъ только тѣмъ отличался отъ Теренція, что избиралъ для своихъ комедій Римскія лица.

У Римлянъ комедія имѣла разныя названія, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, ниже сего слѣдующимъ:

1) Комедіи, называемыя *motoriae*, были тѣ, въ которыхъ все происходило въ дѣйствіи, какъ на примѣръ въ Плавтовомъ Амфитріонѣ.

2) Комедіи *togatae* назывались отъ того, что представлявшіе въ нихъ Актеры имѣли на себѣ тоги. Сіи раздѣлялись еще на *togatae tabernariae* и *atellanae*.— Называемыя *togatae* занимали средину между *pretextatae* и *tabernariae*, и были противоположны комедіямъ *palliatae*. Сей родъ комедіи обязанъ произхожденіемъ Стефанію. — (Примѣч: *Тога* была одежда Сенаторовъ, происходящихъ отъ рода Патрикіевъ. *Претекстою* называлась одежда съ широкими рукавами и съ широкою по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣта; ее носили градоначальники.)

3) Комедіи *atellanae* получили названіе отъ города Ателлы. Онѣ отличались вольностію и даже неблагопристойностію, раздѣлялись на акты, и заключали въ себѣ музыку, пантомимы и пляску.— Светоній въ сочиненіи о славныхъ грам-

мшикахъ говоритъ, что изобрѣтателемъ сей комедіи былъ Мелиссъ, Меценатовъ библіотекарь; другіе полагаютъ, что комедіи *atellanae* представляемы были не наспоящими акперами, а молодыми людьми изъ гражданъ; что онѣ состояли изъ однѣхъ шутокъ, называемыхъ Екзодіями и что Мелиссъ далъ имъ только лучшее образованіе.

4) Комедіи *tabernariae* имѣли предметомъ подражаніе нравамъ простаго народа, и назывались такъ потому, что на театрѣ представляемы были пивейные домы и прочія подобныя мѣста (taberna). — Афраній и Енній отличались въ семъ родѣ.

5) Комедіи *palliatae* имѣли содержаніе почерпнутое изъ греческихъ обычаевъ и назывались такъ отъ того, что акперы въ оныхъ имѣли греческія мантіи *pallium*. Сіи сочиненія назывались еще *crepidae*, по имени обыкновенной греческой обуви.

6) Комедіи *pretextatae* были тѣ, въ коихъ содержаніе и лица заимствуемы были изъ сословія, имѣвшаго право носить *toga pretexta*.

7) Комедіи *trabeatae*, которыхъ изобрѣтеніе приписываютъ Каію Мелиссу,

представляли славныхъ рыцарей. Акте-ры въ оныхъ были одѣты *in trabeis*. — (Примѣч: *Трабея* была одежда консульская во время мира, которую надѣвали также полководцы, торжествующіе послѣ войны одержанныя ими на полѣ брани побѣды.)

8) Комедіи *planipediae* получили названіе или отъ того, что Акперы играли въ нихъ съ голыми ногами, или, по мнѣнію другихъ, отъ театровъ, въ которыхъ были для зрителей ярусы (plain-pied).

9) Комедіи *statariae* заключали много разговоровъ и мало дѣйствія, какова на примѣръ Теренціева камедія *Hecyre*.

10) Комедіи *mixtae*, сложныя, были тѣ, въ которыхъ одна часть происходила въ повѣствованіи, а другая въ дѣйствіи. Римляне говорили, что сіи комедіи были частію *statariae* и частію *motoriae*, и приводили въ примѣръ Теренціева *Евнуха*.

11) Комедіи *Rhintonicae*, названныя по имени изобрѣтателя ихъ Риптона, заключали въ себѣ нецастныя какія либо приключенія, и назывались еще *Hilaro-Tragedia*, *Latina comedia*, или *comedia italica*.

Такова была Комедія у двухъ знаменитѣйшихъ народовъ. —

О началѣ новѣйшей Комедіи ничего не извѣстно; можно только предполагать, что въ Италіи сохранялось всегда нѣкоторое воспоминаніе о Комедіи Римской, и что тамъ она по возрожденіи наукъ начала мало по малу приближаться къ прежнему своему совершенству; впрочемъ, говоритъ Сульцеръ, не стоитъ и труда искать ее далѣе XVI вѣка, ибо извѣстно, что и въ семъ вѣкѣ, даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ были однѣ только грубыя *Фарсы* (шутовскія представленія), безъ малѣйшаго вкуса и правильности.

Что касается до Комедіи Россійской, то едвали извѣстно было въ Россіи и названіе Комедіи прежде Царя Алексѣя Михайловича. При немъ Бояринъ Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ выпросилъ дозволеніе пріѣхавшей въ Россію одной иностранной труппѣ Актеровъ представить нѣсколько театральныхъ сочиненій, и въ *розрядныхъ запискахъ* 1676 года написано о семъ слѣдующими словами: „была комедія въ преображенскомъ; тѣшили Великаго Государя

„иноземцы, какъ Алаферна Царица Царю „голову отсѣкла (т. е. надлежала бы „сказать: какъ Царица Юдифъ Царю Оло„форну голову отрубила) и на органахъ „играли Нѣмцы, да люди дворовые Боя„рина Артемона Сергѣевича Матвѣева. „Тогожъ года другая комедія тамъ же „какъ *Артаксеркс* велѣлъ повѣсить *Ама„на*, и въ органы играли, и на фіолахъ „и въ струменты и танцовали. Въ тре„тіе тамъ же тѣшили великаго Госу„даря на заговѣнье Нѣмцы и люди „Артемона Сергѣевича на органахъ и на „фіолахъ и на струментахъ и танцова„ли, и всякими потѣхами разными.„ — Всѣ сіи представленія были первыя въ Москвѣ, и то не на рускомъ языкѣ. Уже при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ появились первыя Славенорускія театральныя сочиненія, представленныя въ новозавѣденной при немъ же Академіи въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, а потомъ и при дворѣ. Сочинителемъ сихъ комедій (похожихъ болѣе на нынѣшнія драмы) былъ Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ Академіи Кіевской и учитель Царя Ѳеодора Алексѣевича; онѣ до нынѣ рукописными сохраняются въ Патріар-

шей библіотекѣ между сочиненіями Полоцкаго, а двѣ, первая *о блудномъ сынѣ*, и вторая *о Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи*, напечатаны въ VIII части Древней Россійской Вивліоѳики (изд. 2. М. 1789). При семъ же Государѣ переведена была на Славянской языкъ первая *недуховная* комедія изъ Мольера *Врачь противу воли* (médecin malgrè lui) и была играна приватно при дворѣ Царевною Софьею Алексѣевною съ благородными дѣвицами и мущинами.—Въ царствованіе Государя Петра I сочинены были Заиконоспаскими учителями многія духовныя и недуховныя комедіи, и представлены при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. (Нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ IX части древ. Рос. Вивліоѳики, а иныя напечатаны особо.) Сіе послужило поводомъ, что въ *Духовномъ Регламентѣ* 1722 года предписано было Семинаріямъ по нѣскольку разъ въ годъ для увеселенія учениковъ заставлять ихъ представлять комедіи.—Съ сего времени на придворныхъ театрахъ играны были по большей части иностранныя сочиненія. Около 1748 года кадеты въ Сухопутномъ Корпусѣ начали играть

Рускіе *діалоги*, представляли иногда въ присутствіи самой Императрицы и могли ей понравиться. Тогда Сумароковъ началъ помышлять о распространеніи вкуса къ отечественнымъ представленіямъ и, можно сказать, онъ первый образовалъ нашу комедію, равно какъ и Трагедію. За нимъ послѣдовали Фонъ Визинъ и Княжнинъ, изъ которыхъ послѣдній такъ удачно умѣлъ пользоваться Авторами иностранными, что въ самыхъ подражаніяхъ своихъ дѣлался оригиналомъ.

Примѣч: Въ числѣ сочинителей духовныхъ комедій или драмъ почитаются: Св: Димитрій Митрополитъ Ростовскій, писавшій оныя во время пребыванія своего въ Кіевской Академіи; Ѳеофанъ Прокоповичь и Георгій Конискій, когда были въ упомянутой Академіи учителями.

О разности между Комедіи и Трагедіи, изъ Баттё.

Трагедія подражаетъ изящному, величественному; Комедія подражаетъ смѣшному. Одна возвышаетъ душу и образуетъ сердце, другая чиститъ нравы

и исправляетъ странности. Трагедія смягчаетъ насъ посредствомъ сострадания и удерживаетъ посредствомъ страха; Комедія снимаетъ съ насъ личину и представляетъ намъ зеркало, гдѣ можемъ ясно себя видѣть. Трагедія не заставляетъ смѣяться, ибо отъ безразсудныхъ поступковъ знаменитыхъ людей происходятъ нещастія (quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi); Комедія смѣшитъ, потому что глупости маленькихъ людей не иное что суть, какъ глупости: послѣдствія оныхъ не опасны.

Комедію такъ опредѣляютъ: Дѣйствіе вымышленное, въ которомъ представляется смѣшное, съ намѣреніемъ оное исправить. Въ дѣйствіи трагическомъ заключается по большей части истина, по крайней мѣрѣ имена берутся изъ Исторіи; но въ комедіи все вымышлено. Сочинитель полагаетъ основаніемъ что нибудь правдоподобное, и сего достаточно — потомъ созидаетъ по своему произволенію, творитъ дѣйствіе, лица, умножаетъ ихъ по представляющейся надобности, называетъ какъ хочетъ, и никто не можетъ упрекать его . . . . . .

* * *

Въ Комедіяхъ, также какъ и въ другихъ драматическихъ сочиненіяхъ, надлежитъ наблюдать расположеніе и цѣль, единство дѣйствія или происшествія, единство времени и единство мѣста, узелъ и развязку. — Комедія раздѣляется также на акты или дѣйствія, на сцены или явленія. *(см. Драма)* Пишется прозою и стихами; слога требуетъ простаго, или лучше сказать, сообразнаго съ содержаніемъ и дѣйствующими лицами.

Автору Комедіи болѣе всего надлежитъ сохранять правдоподобіе и стараться, чтобы дѣйствующія лица, какъ въ поступкахъ своихъ такъ и въ рѣчахъ, казались *натуральными*; ибо онъ имѣетъ непремѣнною обязанностію заставить зрителя забыться, что находится въ Театрѣ, заставить думать, что видитъ не произведеніе искуства, а дѣйствительное происшествіе.

Комедія требуетъ также, чтобы все было въ ней привлекательно. Хотя не возможно предполагать равной живости и равной красоты въ продолженіи всего сочиненія, ибо необходимо должны быть *сцены* (явленія) и лица, немогущія плѣнять наравнѣ съ другими, однакожъ

надобно стараться, чтобы и сіи слабѣйшія части, каждая по мѣрѣ своей, привлекали и возбуждали вниманіе зрителей.

О способѣ очищать воздухъ и истреблять заразу.

Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно куреніе *минеральными кислотами*, особливо *соляною*, просвѣщенные Химики не сомнѣваются уже, что найдено наконецъ вѣрное средство не только очищать воздухъ, но и истреблять *заразу*, производимую гніеніемъ органическихъ, особливо животныхъ тѣлъ. Первые два славныхъ опыта, сдѣланные въ 1773 году Гитономъ Морво въ Дижонѣ, уже достаточно увѣрили, сколь дѣйствительно и сильно сіе спасительное средство. Знаменитый Химикъ въ одни сутки истребилъ заразу сперва въ церкви, а потомъ въ тюрмѣ. Въ церкви отъ гніенія мертвыхъ тѣлъ, накопленныхъ въ погребальныхъ пещерахъ, открылся несносный запахъ и въ коротkое время такъ усилился, что нельзя было продолжать службы. Къ истребленію заразительнаго запаха употреблены были всѣ извѣстные дотолѣ способы; курили уксусомъ и разными благовоніями, какъ то душистыми травами, смолами и пр., жгли селитру, прыскали полъ *уксусомъ четырехъ*

разбойниковъ, и ничто не помогало. Запахъ усиливался и наконецъ разпространился въ ближніе домы, въ которыхъ начали уже открываться и признаки заразительной горячки. Гитонъ Морво одинъ только разъ накурилъ въ церкви *соляною кислотою* и на другой день въ ней нисколько уже не было слышно запаху, а чрезъ четыре дня, безъ всякой опасности, опять начали продолжать службу. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ открылась потомъ въ тюрмѣ заразительная горячка и въ короткое время лишила жизни 31 человѣка. Въ одной комнатѣ разпространилось такое зловоніе, что всѣ находившіеся около ней думали, что тамъ осталось и гніетъ мертвое тѣло. Сколько ни употребляли обыкновенныхъ способовъ, все было безъ успѣха: сожгли три связки соломы и нисколько не поправили воздуха (*). Но Гитонъ Морво однажды только накурилъ *соляною кислотою*, и весь отвратительный запахъ изчезъ въ сутки, а скоро потомъ и горячка пресѣклась.

(*) Гитонъ Морво особенно замѣчаетъ сіе для того, что бы показать, что огонь не истребляетъ въ воздухѣ заразы.

Извѣстіе о сихъ опытахъ повторено было во многихъ журналахъ и подтверждено множествомъ другихъ столькоже важныхъ опытовъ, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ нѣкоторыхъ государствахъ.

Въ 1794, по повелѣнію Національнаго Французскаго Конвента, ко всѣмъ Военнымъ Французскихъ Коммисарамъ, Медицинскимъ чиновникамъ и смотрителямъ военныхъ госпиталей разослано печатное подробное наставленіе о механическихъ (*) и химическихъ способахъ предупреждать и очищать заразу воздуха въ больницахъ. Въ числѣ химическихъ способовъ куреніе *соляною* кислотою поставлено первѣйшимъ, и успѣхи онаго назвалъ Медицинской совѣтъ *чудесными*.

Между тѣмъ въ 1780 году въ Англіи Докторъ Шмитъ испыталъ щастливое дѣйствіе куренія *селитреною* кислотою. Онъ первый сдѣлалъ опытъ надъ симъ способомъ куренія въ Винчестерской госпитали, гдѣ между плѣнными Испан-

(*) *Механическія* средства состоятъ въ перемѣнѣ комнатнаго воздуха наружнымъ посредствомъ вентиляторовъ, проводныхъ трубъ и топки печей, или каминовъ.

цами открылась сильная повальная горячка, и получилъ желаемый успѣхъ. Въ 1795 году сей опытъ повторенъ былъ въ Шернесѣ на госпитальномъ кораблѣ *Уніонѣ* и другихъ нѣкоторыхъ судахъ соединеннаго Россійскаго и Англинскаго флота, на которыхъ открылась заразительная госпитальная горячка; онъ произвелъ желаемое дѣйствіе. Заразительная горячка, усиливавшаяся со дня на день, прекращена была помощію сего куренія въ нѣсколько недѣль. За сіе открытіе Парламентъ опредѣлилъ въ награжденіе Доктору Шмитту пять тысячь фунтовъ стерлинговъ (*).

Съ того времени куреніе *минеральными кислотами*, особливо *соляною*, отъ всѣхъ Химиковъ признано совершенно достаточнымъ и единственнымъ способомъ къ истребленію заразы, и знаменитый Докторъ Ролло, дѣлавшій самъ многіе опыты надъ симъ способомъ куренія, даже о *моровой язвѣ* смѣло сказалъ, что, *при нынѣшнемъ состояніи познаній, она не можетъ уже раждаться и разпро-*

(*) Что на наши деньги, по среднему курсу, составляетъ сорокъ тысячь рублей.

страняться, развѣ по совершенному нераденію (*).

Въ 1801 году Гитонъ Морво издалъ пространную книгу *о средствахъ очищать воздухъ и отвращать, или прекращать заразу* (**). Здѣсь описалъ онъ важнѣйшіе опыты, дѣланные надъ разными средствами и которые неоспоримо доказываютъ какъ силу и успѣхи *минеральныхъ* куреній, особливо *соляною кислотою*, такъ недѣйствительность и даже вредъ нѣкоторыхъ, или весьма малую пользу другихъ куреній, или средствъ, обыкновенно употребляемыхъ для очищенія воздуха.

Сія столь полезная книга, по Высочайшему повелѣнію, переведена на Русской языкъ со втораго изданія и напечатана въ С. Петербургѣ въ Медицинской Типографіи въ 1806 году (***).

(*) A short account of the royal artillery hospital at Woolwich &c. By *John Rollo*, M. D. Surgeon General Royal artillery, Londres, 1801.

(**) *Traité des moyens de désinfecter l'air, de prévenir la contagion et d'en arrêter les progrès, par L. B. Guyton Morveau.* Paris, 1801.

(***) Подъ названіемъ: *О средствахъ къ благоразтворенію воздуха и отвращенію заразы. Сочин. Л. В. Гитона*

Сверхъ сего у насъ напечатано еще нѣсколько извѣстій о Гитоновомъ способѣ очищенія воздуха (*).

Морво, перевед. Васильемъ Джунковскимъ. С. Петербургъ, 1806 Жаль, что Гнъ переводчикъ не принялъ на себя труда перевесть Французскія *либры* и *вѣсы* на употребляемые въ Россіи. Сіе неудобство, по видимому мало значущее, въ самомъ дѣлѣ весьма многихъ затрудняетъ въ чтеніи.

(*) Что писано было у насъ о куреніи *минеральными кислотами*, мнѣ извѣстно слѣдующее:

1 е. Въ *Технологическомъ Журналѣ* 1804 года (Томъ 1й, Часть 2 я, стр. 116—151) напечатано сдѣланное изъ Гитоновой книги извлеченіе подъ названіемъ: *Наставленіе о вѣрнѣйшихъ предохранительныхъ средствахъ противъ заразы, съ показаніемъ способа, какъ употреблять ихъ въ пользу.*

2 е. Сіеже извлеченіе и подъ тѣмъже названіемъ напечатано въ С. Петербургѣ въ 1804 году особою книжкою.

3 е. Въ 1805 году въ *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ* напечатано краткое извѣстіе о семъ способѣ.

4 е. Въ 1807 году въ *Запискахъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента* (Часть 1 я, стр. 125—136) напечатано описаніе сего способа (а).

5 е. Въ *Военной Россійской Фармакопеѣ* Гна Д. С. С. Вилье (Pharmacopoeia Castrensis Ruthena) помѣщено

(а) На стр. 126 сдѣлана въ семъ описаніи важная ошибка. Вмѣсто того, чтобы сказать: налить на *соль*, тамъ сказано: налить на *песокъ* купороснаго масла.

Сверхъ сего правительство также употребляло свои мѣры къ распространенію о семъ свѣденій.

Не смотря на то, сіе спасительное для рода человѣческаго открытіе у насъ и понынѣ еще весьма многимъ не извѣстно. Особливо между простымъ народомъ, гдѣ средство сіе наиболѣе и нужно оно извѣстно, можетъ спаться, только тѣмъ, которые имѣли уже нещастный случай испытать необходимость его. Между тѣмъ оно сколько для изпребленія, столько же и для предупрежденія заразы, и вообще для очищенія воздуха полезно. Оно, лучше всякаго другаго способу куренія, можетъ быть употребляемо, какъ во всѣхъ вообще больницахъ, такъ равно въ тюрмахъ, въ казармахъ,

---

три способа сосплавленія кислыхъ минеральныхъ паровъ.

6 е. Въ изданной въ 1813 году книжкѣ: *О гнилой и нервной горлякѣ*, соч. Гна Гаевскаго (стр. 37 — 43) также описанъ способъ Гитоновъ.

Изъ всѣхъ сихъ извѣстій напечатанное въ Технологическомъ Журналѣ есть самое подробное. Тамъ, сверхъ описанія способа Гитона Морво, изчислены и крашко разсмотрѣны всѣ обыкновенно употребляемыя средства къ очищенію воздуха.

въ многолюдныхъ мастерскихъ; въ домахъ смирительныхъ, или общественнаго призрѣнія и воспитанія; въ тѣсныхъ жилищахъ бѣдныхъ, или низкаго состоянія людей; въ домахъ, окруженныхъ болотистыми, или такими мѣстами, гдѣ скопляются разныя нечистоты, и даже во всякихъ жилыхъ покояхъ, гдѣ употребляется гораздо менѣе приносящее пользы куреніе уксусомъ, или, большею частію вредное, нежели полезное куреніе смолами и разными душистыми порошками. Разность состоитъ только въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ болѣе, а въ другихъ менѣе курить должно, т. е. судя по степени нечистоты воздуха, или по величинѣ комнатъ. Сверхъ того сіе куреніе столь просто, дешево и удобно, что можетъ быть произведено вездѣ, гдѣ только можно достать *сѣрной кислоты*, или — просто такъ называемаго — *купороснаго масла* (*). Вотъ какимъ образомъ оное производится:

(*) *Сѣрная кислота*, между простымъ народомъ болѣе извѣстная подъ коммерческимъ именемъ *купоросной кислоты*, или *купороснаго масла*, находится во всѣхъ Аптекахъ и, для употребленія въ художествахъ, продается по городамъ въ лавкахъ.

1е *Куреніе* соляною *кислотою.*

Вещества, входящія въ составъ куренія *соляною кислотою*, суть: 1е *поваренная*, или *обыкновенная соль*; 2е *черная марганцовая окись*, или-просто такъ называемая — *черная марганцовая известь*, и 3е *сѣрная кислота*. *Соль* и *кислота* суть вещества необходимыя; а безъ *марганцовой окиси* обойтись можно: она употребляется для усиленія куренія (*).

Куреніе производится двоякимъ образомъ: *съ жаровнею* и *безъ жаровни.*

1е *Куреніе соляною кислотою безъ жаровни.*

Взять *соли* двѣ части,

Сѣрной кислоты одну часть (**);

(*) Если ли куреніе производится съ *марганцовою окисью*, то отдѣляемая чрезъ то *кислота* называется *соляною пресыщенною*. Что куреніе простою *соляною кислотою*, т. е. безъ *марганцовой окиси*, достаточно, не только для поправленія воздуха, но и для скораго истребленія заразы, то неоспоримо доказано двумя вышеприведенными опытами Гипона Морво, въ которыхъ *марганцовой окиси* онъ не употреблялъ. Впрочемъ то также неоспоримо, что куреніе *пресыщенною соляною кислотою* еще дѣйствительнѣе. *Марганцовая окись* продается какъ въ Аптекахъ, такъ и въ лавкахъ.

(**) Напр. *Соли* ложку, *сѣрной кислоты* полложки. — Такимъ образомъ по количеству *соли* опредѣляется

Положишь *соль* въ стаканъ, или въ глиняный чистый сосудъ, и вылишь на нее *кислоту*. Изъ сей смѣси подымутся крѣпкіе *кислые* пары, которые и составляютъ куреніе.

2 е *Куреніе пресыщенною соляною кислотою безъ жаровни.*

Взять *соли* - - - - 6 частей,

Марганцовой окиси, истертой въ порошокъ (*), - - - - 1 часть,

Сѣрной кислоты, 3 части;

количество *сѣрной кислоты* и — въ куреніи *пресыщенною соляною кислотою*—количество *марганцовой окиси*. Впрочемъ, какъ *сѣрная кислота* бываетъ различной крѣпости и какъ *марганцовая окись* содержитъ въ себѣ не всегда одинакое количество отдѣляемаго отъ оной въ куреніи *кислотворнаго начала*; потому нельзя строго опредѣлить, какая именно соразмѣрность должна быть между сими входящими въ составъ куренія веществами, въ чемъ однакожъ и нужды большой нѣтъ. Ибо естьли одного какого вещества положено будетъ больше, а другаго меньше: то вся невыгода будетъ состоять только въ потерѣ излишне положеннаго количества; вреда же для здоровья не произойдетъ изъ сего ни мало.

(*) Вмѣсто совершенной *марганцовой окиси*, незнающему иногда можетъ попасться, особливо въ лавкахъ, или *весьма мало окисленный марганецъ*, или соединенный съ большимъ количествомъ *желѣза*. Такимъ *марганцомъ* курить уже нельзя. Онъ, въ соединеніи съ *сѣрною кислотою*, вмѣсто полезныхъ *кислыхъ* паровъ,

Смѣшать *соль* съ *окисью* и, положа въ стаканъ, или въ глиняный сосудъ, смочить нѣсколько водою; потомъ на сію смѣсь вылить *кислоту*.

3 е *Куреніе съ жаровнею.*

На жаровню поставить желѣзный, или глиняный сосудъ съ пескомъ, или золою, а въ песокъ, или золу поставить стаканъ съ *солью*, или со смѣсію изъ *соли* и *марганцовой окиси*, смоченною водою, какъ сказано выше. Какъ скоро *соль* или *смѣсь* разгорячится, то вылить въ стаканъ *кислоту*. Въ семъ случаѣ теплота ускоряетъ отдѣленіе паровъ и тѣмъ самое куреніе дѣлаетъ болѣе дѣйствительнымъ.

Что касается до того, когда сколько курить должно, сего строго опредѣлить также нельзя, такъ какъ нельзя опредѣлить и степеней порчи воздуха, особливо въ такомъ случаѣ, когда куреніе признается нужнымъ не для изпребленія *заразы*, но только для по-

---

даетъ уже вредные, имѣющіе запахъ *сѣрный* и *тухлыхъ яицъ*. Сей опытъ можетъ руководствовать и въ самомъ выборѣ настоящей *окиси*.

правленія воздуха, наполненнаго менѣе вредными испареніями шѣль живошныхъ, или веществами, образующимися при разрѣшеніи шѣлъ органическихъ. Знакомъ большей, или меньшей порчи воздуха служитъ по большой часши болѣе, или менѣе непріятный запахъ; потому уменьшеніе, или изпребленіе непріятнаго запаха можетъ служить шакже почши вѣрнымъ знакомъ поправленія, или совершеннаго очищенія воздуха (*). Естьли присутствіе заразы откры̀вается умноженіемъ числа больныхъ; то и уменьшеніе оныхъ, или прекращеніе умноженія, посредствомъ сего куренія, служитъ

(*) Хотя повидимому и другіе способы куренія, какъ то: *уксусомъ*, *смолами* и *душистыми травами*, изпребляютъ шакже непріятный запахъ въ воздухѣ: однакожъ въ самомъ дѣлѣ они только заглушаютъ оный издаваемымъ отъ нихъ запахомъ, а не совсемъ изпребляютъ. Доказашельствомъ сего можетъ служить то, что послѣ обыкновенныхъ куреній, какъ бы сильны они ни были, какъ скоро пройдетъ издаваемый ими запахъ, опять слышенъ прежній запахъ въ воздухѣ: а послѣ куренія *соляною кислотою*, естьли только не слишкомъ мало въ покояхъ было накурено, сего запаху не слышно бываетъ уже до шѣхъ поръ, пока воздухъ не наполнится снова заражающими оными веществами.

также несомнѣннымъ знакомъ уменьшенія, или истребленія заразы.

Для всегдашняго куренія въ жилыхъ комнатахъ, вмѣсто обыкновенно употребляемаго куренія *уксусомъ*, или *смолами*, достаточно употреблять въ одни, или въ двое и даже въ трое сутокъ, отъ половины до двухъ ложекъ *соли*, или смѣси оной съ *окисью*, и отъ четверти до ложки *сѣрной кислоты*,—смотря потому, какъ обширны и многолюдны покои и какъ чисто содержатъ себя живущіе въ нихъ, или вообще, какъ много можетъ портиться воздухъ.

Естьли нужно болѣе усилить куреніе въ жилыхъ покояхъ, то вмѣсто того, чтобы въ одинъ разъ увеличивать количество употребляемыхъ для онаго веществъ, лучше два, или три и даже четыре раза накурить въ сутки, употребляя всякой разъ выше назначенное количество; или хотя и большее количество *соли*, либо смѣси оной съ *окисью*, положить въ стаканъ, но соразмѣрное тому количество *кислоты* лить въ стаканъ не вдругъ, а въ два, три, либо четыре раза въ продолженіи сутокъ. *Смѣси* сей не должно выбрасывать изъ

стакана до тѣхъ поръ, пока непересташетъ она издавать кислаго запаху. Послѣ можно еще поставить оную въ горячую золу, либо въ горячій песокъ на жаровню, или въ теплое мѣсто, особливо на солнце; тогда издастъ она еще нѣкоторое количество кислыхъ паровъ. Но естьли и въ семъ случаѣ пары отдѣляться уже не будутъ; то *смѣсь* для куренія болѣе не годится.

Слишкомъ сильное куреніе можетъ произвести у предстоящихъ на нѣкоторое время кашель и иногда головную боль. Въ такомъ случаѣ должно или покрыть чѣмъ нибудь стаканъ (*), или—естьли въ сильномъ куреніи настоитъ нужда—выйти на нѣсколько часовъ изъ комнаты. Доколѣ нѣтъ кашлю,

---

(*) Накрывать должно чѣмъ нибудь или *стекляннымъ*, или *глинянымъ*, или *деревяннымъ*. Полотнянымъ ничѣмъ накрывать не должно, потому что здѣсь *кислота* всякое полотно съѣдаетъ. Отъ нее мгновенно такжe ржавѣетъ желѣзо, тускнѣетъ серебро и другіе нѣкоторые металлы. Естьли нужно окуривать бѣлье и естьли окуриваніе будетъ очень сильно; то вскорѣ послѣ того, иногда даже не болѣе какъ черезъ полчаса, бѣлье должно вымыть, чтобы отъ ѣдкости кислоты оно не испортилось.

или сильной головной боли, до тѣхъ поръ нѣтъ никакаго вреда, или опасности оставаться въ покояхъ.

Въ жилыхъ комнатахъ средней величины можно употреблять въ одинъ разъ, безъ всякой опасности для живущихъ, отъ двухъ до четырехъ ложекъ *соли* и смѣси оной съ *окисью*. Въ такомъ случаѣ надобно только отдаляться нѣсколько отъ стакана при первомъ порывѣ изъ онаго паровъ. Впрочемъ столь сильное куреніе въ жилыхъ комнатахъ можетъ быть нужно тогда только, когда въ семѣйствѣ появляются уже знаки заразительной горячки. Въ противномъ случаѣ весьма достаточно гораздо менѣе сильнаго.

Естьли нужно очистить нежилыя комнаты, или такія, въ которыхъ долгое время лежало мертвое тѣло и распространился уже отвратительный запахъ; то въ такомъ случаѣ лучше курить съ жаровнею, взявъ отъ 4хъ до 8, или 10 ложекъ *соли*, либо смѣси оной съ *окисью*, и болѣе, смотря по величинѣ комнатъ и по степени порчи воздуха; и какъ скоро выльется кислота, то выйти изъ комнаты, затворивъ напередъ плотно всѣ окошки и отверстія и

потомъ двери, какъ можно плотнѣе, дабы пары, сколько можно, менѣе выходили изъ комнаты. Часовъ черезъ 10, или 12, можно войти въ комнату, и тогда должно растворить окошки для перемѣны внутренняго воздуха внѣшнимъ. Естьли неслышно уже прежняго непріятнаго запаху, то почти съ достовѣрностію уже заключить можно, что воздухъ совсемъ очищенъ. Такимъ образомъ часто можетъ быть достаточно одного разу, для совершеннаго очищенія воздуха. Впрочемъ само собою разумѣется, что во всѣхъ таковыхъ случаяхъ лучше погрѣшить въ *излишествѣ*, нежели въ *нѣдостаткѣ*; лучше накурить лишній разъ, нежели остаться въ опасности, что зараза несовершенно истреблена.

Въ обширныхъ залахъ, гдѣ зараза открывается въ высокой степени, количество составовъ, нужныхъ для куренія, опредѣляется уже *фунтами*. Гитонъ Морво въ первомъ своемъ опытѣ, сдѣланномъ въ Дижонской церкви, употребилъ 6 *фунтовъ соли* и 4 *фунта сѣрной кислоты*. Можетъ быть, здѣсь употреблено уже и лишнее количество; но за

то дѣйствіе куренія было почти чудесное.

Куреніе селитряною *кислотою.*

Куреніе *селитряною кислотою* дѣлается всегда съ помощію жаровни такимъ образомъ: на жаровню ставится сосудъ съ пескомъ, или золою; въ песокъ ставится стаканъ съ *сѣрною кислотою*, и какъ скоро разогрѣвается *кислота*, то кладутъ въ нее *селитру*. Изъ сей смѣси, которую притомъ помѣшивать должно, подымаются также *кислые* пары, только не *соляной*, но *селитряной кислоты*. Сѣрной *кислоты* и *селитры* берется по равному количеству, только обоихъ должно быть менѣе, нежели сколько употребляется кислоты и соли въ куреніе *соляною кислотою*.

Впрочемъ куреніе *селитряною кислотою*, будучи дороже и неудобнѣе куренія *кислотою поваренной соли*, гораздо менѣе сего дѣйствительно. Потому сіе послѣднее всѣми вообще предпочитается куренію *селитряною кислотою*.

Вотъ въ чемъ состоитъ сіе спасительное для рода человѣческаго откры-тіе!—Какъ жалко, что оно весьма многимъ

у насъ еще не извѣстно! Можетъ быть, иногда нѣсколько копѣекъ могли бы сохранить жизнь нѣсколькимъ человѣкамъ! Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ само правительство никогда не допуститъ въ народѣ такихъ нещастій, какимъ могла бы подвергнуть оный меньшая бдительность; но нельзя сказать, что бы знаніе сего средства не было полезно и даже нужно для каждаго вообще. Хорошо было бы, естьлибы всякой даже крестьянинъ, всякой мастеровой зналъ объ ономъ и былъ въ состояніи имъ пользоваться. Для нихъ оно нужнѣе, нежели для другихъ состояній. Но сего и достигнуть никогда нельзя. Какъ немногіе еще и въ вышихъ состояніяхъ имѣютъ объ немъ понятіе! По сему то, кажется, никакое частое повтореніе извѣстій о семъ спасительномъ открытіи не былобы излишне. Оно, по моему мнѣнію, стоитъ и того, чтобы къ разпространенію объ немъ свѣденій принять особенныя какія либо мѣры.

И. Фовицкій.

II. КРИТИКА.

Курсъ Россійской словесности для дѣвицъ, содержащій въ себѣ Риторику, основанія Стихотворнаго искуства, исторію Россійской словесности съ Біографіею писателей въ оной прославившихся и Славянскую Миѳологію сравненную съ Греческою Соч. Училища Ордена Святыя Екатерины Учителемъ Иваномъ Левитскимъ. Часть перьвая, Риторика. С. Петербургъ. Въ Типографіи Ивана Байкова, 1812 года.

Доселѣ имѣли мы одну только Риторику *въ пользу молодыхъ дѣвицъ*, и та впрочемъ, какъ увѣряетъ сочинитель, *равнымъ образомъ можетъ служить для мущинъ, любящихъ словесныя науки.* Теперь появляется *для дѣвицъ* цѣлый *Курсъ Россійской словесности.*

Я не думаю, чтобы Гнъ Гальяръ, издавая свою книгу *въ пользу молодыхъ дѣвицъ*, имѣлъ ту же цѣль, съ какою даютъ концерты *въ пользу* бѣдныхъ или Артистовъ, и спектакли *въ пользу* Актеровъ

и Актрисъ. Вѣрно и онъ то же думалъ, только не то сказалъ, что Гъ Левитскій. Но не знаю, по чему обѣ они назначили сочиненія свои преимущественно для употребленія женскому полу. Издаются особые Курсы по возрастамъ, по различію круга воспитанія; на это есть свои причины: издаются особые *Журналы для милыхъ* и *Утренники женскаго пола*, и на это также можно придумать коекакія причины. Но чтобы женщинамъ нельзя было учиться по однѣмъ книгамъ съ нами, этому я никакъ не вѣрю. Я даже думаю, что услужливость, оказываемая женщинамъ съ предположеніемъ, будто онѣ не могутъ учиться по однѣмъ книгамъ съ мущинами, должна быть для нихъ болѣе оскорбительна, нежели пріятна. А Гнъ Левитскій не взялъ даже осторожности, не сказалъ съ Гальяромъ, что Курсъ его *равнымъ образомъ можетъ служить для мущинъ, любящихъ словесныя науки*....

Но — для кого бы Курсъ ни былъ написанъ — посмотримъ, что въ немъ содержится.

По заглавію книги иной подумаетъ, что это должно быть творѣніе въ нѣ-

сколькихъ томахъ; что тутъ найдетъ онь Философическій *разборъ* Русскаго языка и образцовыя Русскія сочиненія во всѣхъ родахъ словесности, разобранныя по строгимъ правиламъ краснорѣчія, или Поэзіи. Иностранецъ, который захочетъ знать нашу словесность, безъ сомнѣнія бросится къ *Курсу* Гна Левицкаго: но что найдутъ они въ этомъ Курсѣ? Общія правила Риторики (на 7 листахъ), которыя, можетъ быть, давно и не хуже знаютъ отъ Цицерона и Квинтиліана; правила Поэзіи, которыя, можетъ статься, наизусть читаютъ изъ Горація и Буало. И это *Курсъ Россійской словесности*? — Не ошибся ли Гнъ Левицкій въ разположеніи словъ? Не хотѣлъ ли онъ, вмѣсто того, сказать: *Россійскій*, т: е: *написанный на Россійскомъ языкѣ, Курсъ словесности*? Или онъ думалъ, что правила Россійскаго стихосложенія, исторія нашей словесности и Славянская Мивологія могутъ дать право сочиненію его на такое названіе? Естьли такъ, то онъ скажетъ, что и Турки могутъ иногда назвать Цицеронову, или Квинтиліанову Риторику *Курсомъ Турецкой* словесно-

сти, и Китайцы Піитику Аристотеля, Горація, или Буало — *основаніями своего стихотворнаго искуства*? (*)

Впрочемъ Гнь Левишскій весьма неправ и въ томъ, что въ Курсъ словесности вводитъ *Біографію* и *Миѳологію*. Правда, знаніе Миѳологіи нужно для Піита; но мало ли чего еще нужно для него и вообще для литтерапора, и неужели все

(*) Здѣсь замѣчу я, что и слово *Стихотворство*, или *Стихотворное искуство*, совсѣмъ не выражаетъ того, что разумѣется подъ словомъ *Поэзія*; (хотя впрочемъ эта ошибка уже не Гна Левишскаго, а тѣхъ, которые, ни сколько не имѣя терпимости къ словамъ иностраннымъ, все безъ разбору хотятъ называть Русскими). Оно, заключая въ себѣ понятіе объ одной случайной принадлежности Поэзіи, т. е. о *мѣрной рѣчи*, ни сколько не означаетъ сущности сего искуства *вымышлять* или *творить* (ποιεῖν), и исключаетъ изъ числа піитическихъ сочиненій всѣ романы, всѣ писанныя прозою сказки и драматическія сочиненія.

Замѣчу также ошибку общую Гну Левишскому почти со всѣми нашими сочинителями Курсовъ. Они называютъ *своими сочиненіями* то, что давно сочинено другими, а ими только *списано*, или *собрано*. Курсъ словесности, особливо такой какъ Гна Левишскаго, не Трагедія, не Поема. Иначе и издатели *Букварей* и *Календарей* могутъ также присвоить себѣ право называться *сочинителями* оныхъ.

то должны мы мѣшать съ правилами словесности? — Къ чему жъ тутъ нужна еще *Біографія писателей*? Какая связь между Поэзіею и жизнію самаго превосходнаго Піита? — Не знаю, что это появляется у насъ за мода учить словесности *послужными списками*! Мы съ удовольствіемъ читаемъ жизни великихъ писателей, издаваемыя съ твореніями ихъ; но жизнь Невтона, Вольфа и Лейбница составляетъ ли Курсы ихъ Философіи, или Математики? Какая же нужда ученику, или ученицѣ знать, что переводчикъ одной какой нибудь книги *вступилъ въ службу тогда то, имѣетъ чинъ, или орденъ такой то*? — Вотъ каковы наши учители словесности!

Но приступимъ къ разсмотрѣнію самой Риторики Гна Левитскаго.

Вотъ предметы и разположеніе ея по главамъ: о *періодахъ*, о *тропахъ*, о *фигурахъ словъ*, о *фигурахъ мыслей*, о *хріи*, о *письмахъ*, о *слогахъ*, о *произношеніи*, о *подражаніи* и о *критикѣ*. Въ ней, къ сожаленію, весьма много такого, что строгій рецензентъ могъ бы замѣтить Гну сочинителю; но слушать, или читать все это, не всякому было бы пріятно. Потому я

ограничусь только нѣкоторыми примѣчаніями.

„Словесность вообще есть основа„тельное знаніе искуства сочинять, сни„сканное обдуманнымъ чтеніемъ луч„шихъ писателей.“

Вотъ *опредѣленіе словесности*, которымъ Гнъ Левитскій начинаетъ введеніе въ свою Риторику. Мнѣ кажется, *словесность* совсѣмъ не есть *знаніе*, но—въ обширномъ смыслѣ—*способность*, а въ тѣсномъ — *искуство*, и *не сочинять* вообще (ибо сочиняютъ и концерты и балеты), а *выражать словами мысли и чувствованія*. Сіе искуство приобрѣтается не однимъ *чтеніемъ писателей*, какъ говоритъ Гнъ Левитскій, но сверьхъ того *изученіемъ правилъ* и *упражненіемъ въ сочиненіи по правиламъ и образцамъ*.

Далѣе онъ опредѣляетъ *краснорѣчіе* искуствомъ *научать*, *нравиться* и *возбуждать* (стр. II).

Кто незнаетъ еще, что такое *краснорѣчіе*, тотъ, читая это опредѣленіе, легко можетъ представить себѣ, вмѣсто *краснорѣчія*, три различныя искуства, изъ которыхъ одно—искуство *научать*—относится къ учителямъ, другое—иску-

ство *нравиться* — извѣстно болѣе женщинамъ, а третье—искуство *возбуждать* (ars stimulandi) — составляетъ часть врачебной науки.

На страницѣ III и IV онъ говоритъ: „Сверьхъ знанія правилъ словесности „для писателя необходимо знаніе наукъ, „особливо: *Логики*, *Исторіи* и *Географіи*..... Не знавъ Географіи, мы заблудимся въ описаніи мѣстъ, которое „часто бываетъ необходимо для сочинителя..... Но самое нужнѣйшее средство для каждаго писателя есть вкусъ. „Вкусъ въ искуствахъ тоже, что разумъ „въ наукахъ; онъ есть Кумиръ, поставленный въ неизмѣримой области словесности, предъ которымъ и самые „щастливые Геніи не стыдились преклонять свои колѣна, или паче, онъ „есть верховный судія опредѣляющій „судьбу умопроизведеній. Безъ вкуса не „можно быть изящнымъ художникомъ, „слѣд. и писателемъ. Но первѣе всего „должно познать правила, руководствующія къ красивому, пріятному и убѣдительному изложенію мыслей. Совокупность сихъ правилъ называется

„Риторикою. И такъ Риторика есть „искуство“ ..... и проч:

Не будемъ спорить, что Гнъ Левитскій не справедливо предпочелъ здѣсь *Географію Философіи;* не будемъ замѣчать, какъ высокопарно, но нечочно, неправильно и даже несвязно онъ объясняется. Замѣтимъ только, что, по умствованію его, для каждаго писателя — *дабы не заблуждался онъ въ описаніи мѣстъ* — неменьше Географіи нужны и *провожатые.*

Объясняя извѣстные четыре способа разпространенія предложеній, т. е. чрезъ *эпитеты, синонимы, противныя* и *обстоятельства*, на послѣдній онъ сдѣлалъ примѣръ, изъ котораго вышелъ слѣдующій, подлинно образцовый, періодъ: „Добродѣтель, которую ежели за свято „почитать будемъ въ сей кратковремен„ной и колоѣратной жизни, исполняя въ „точности всё то, что предписываетъ „Богъ, разумъ и природа для спокойст„вія нашей совѣсти и внутренняго удо„вольствія, коего совсѣмъ чужды души „порочныя; ежели всё сіе исполнять „будемъ при помощи Божіей — при жар„чайшихъ молитвахъ ежечасно къ нему „нами возсылаемыхъ, во всякомъ возра-

„стѣ, состояніи и на всякомъ мѣстѣ —
„сія священная добродѣтель служитъ
„сама себѣ наградою, презирая хуленія
„и гоненія порочныхъ, возстановляя миръ
„въ душѣ и спокойствіе въ совѣсти на-
„шей, дабы тѣмъ оправдать болѣе свя-
„тость свою и величіе, и дабы пока-
„зашься еще величественнѣе въ очахъ у
„усердныхъ ея почитателей.“ (стр. XI,XII)

Какой отвратительный примѣръ *пустословія* и *безсмыслицы*? Неужели Риторика должна учишь сочинять такимъ образомъ? Неужели ученики должны подражать этому примѣру? Иначе для чегожъ онъ написанъ? — Гнъ Левитскій послѣ этого говоритъ: „Не должно
„думать, будто бы всегда и вездѣ можно
„было пользоваться всѣми показанными
„(четырьмя) способами,“ — какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть случаи, что можно пользоваться ими всѣми вмѣстѣ. Что сказалъ бы онъ, естьлибы изчислилъ всѣ извѣстные *источники изобрѣтенія*? Каковъ тогда-то былъ бы примѣръ его? Нѣтъ, ему слѣдовало бы напротивъ сказать, что не только всѣми сими четырьмя способами никогда и нигдѣ вмѣстѣ пользоваться не можно, но и всѣхъ *об-*

стоятельствъ изчислять, то. е. пользоваться вполнѣ однимъ послѣднимъ способомъ и писать такую безсмыслицу, какую написалъ онъ самъ въ этомъ примѣрѣ, никогда не должно. Ему бы показать въ разныхъ примѣрахъ — въ такихъ, которымъ бы можно было подражать — какимъ образомъ, не плетя пустословія, можно пользоваться по частямъ не только сими четырьмя способами изобрѣтенія, но и множествомъ другихъ, о которыхъ онъ, къ сожалѣнію, или только упоминаетъ, или совсѣмъ ничего не говоритъ. *Изобрѣтеніе* есть весьма важная и для учащихся самая трудная часть Риторики, и оно то совсѣмъ забыто у Г на Левитскаго. Между тѣмъ онъ обѣщаетъ намъ въ своемъ Курсѣ *Біографію писателей* и *Славянскую Мивологію*; а въ Риторикѣ, какъ мы увидимъ, то и дѣло перерываетъ правила такими размышленіями, безъ которыхъ очень легко можно было бы обойтись!

Въ самыхъ правилахъ Риторики Гну Левитскому, кажется, нельзя уже было погрѣшать очень много. Въ такой книгѣ, какова эта, очень мало можетъ принадлежать издателю. Большая часть опредѣ-

леній сдѣлана назадъ тому нѣсколько сотъ лѣтъ, и всѣ почти примѣры были собраны еще прежде Г на Левитскаго. Однакожъ и здѣсь попадается очень много такого, чего не льзя оставить безъ замѣчанія. На примѣръ:

Онъ такъ начинаетъ главу о періодахъ. „Какъ въ Геометріи изъ многихъ „короткихъ линей составляется кругъ: „такъ въ Риторикѣ изъ многихъ выра„женій и предложеній составляется *пе„ріодъ.*“ (стр. 1)

Для чего захотѣлось ему объяснять такимъ образомъ періодъ? Неужели не льзя объяснить оный какъ нибудь попроще? Ссылаться въ *Риторикѣ* на *Геометрію* столько же прилично, какъ и на *Химію*, или *Врачебную науку*, естьли и положить, что *Дѣвицы* должны уже знать сіи науки прежде *Риторики*. И что такое: въ *Геометріи составляется кругъ*, *въ Риторикѣ составляется періодъ*? Періодъ составляется въ *сочиненіи*, а не въ *Риторикѣ*; кругъ составляется въ *черченіи*, т. е. когда что нибудь чертится, а не въ *Геометріи*. Притомъ одному ли *кругу*, не всякой ли *Математической фигурѣ* свойственно составляться изъ ли-

ней, короткія ли онѣ будутъ, или *долгія*? Итакъ вотъ сколько ошибокъ въ четырехъ строкахъ!

Во введеніи же (стр. V) опредѣляетъ онъ періодъ рѣчію, содержащею смыслъ *полный, совершенный* и *круглый*. — Довольно бы сказать: смыслъ *полный; совершенный* значитъ тоже, а смыслъ *круглый*, также какъ и *четвероугольный*, не значитъ ничего. — Далѣе:

„Но *читая произведенія умовъ* при„мѣчаемъ, что періоды, составляющія „оныя бываютъ различны.“

Это также слишкомъ *высокопарно*, но весьма *неточно* и *неправильно*.

Стр. 8 „Что называется украшені„емъ въ рѣчи? Нѣкоторыя выраженія и „обороты словъ (фигуры рѣченій) слу„жащія къ тому, чтобы сдѣлать рѣчь „пріятною, убѣдительною, вкрадчивою.„

Неужели *нѣкоторыя выраженія* и *обороты словъ* составляютъ и все украшеніе рѣчи? А *фигуры мнѣній*? — Или Гнъ Левитскій приключаетъ ихъ къ числу *нѣкоторыхъ выраженій* и *оборотовъ словъ*?— И что за опредѣленіе *украшеній*—„ выра„женія и обороты словъ, дѣлающія рѣчь „*пріятною, убѣдительною, вкрадчивою*?“

Стр. 9. „*Онъ* (оратоpъ) долженъ вой-
„ти въ сердце и разумъ *его* (слушателя)--
„и сіе не иначе можетъ статься, какъ
„проходя чрезъ воображеніе, говоритъ
„языкомъ его.“

Сіе можетъ статься не иначе, какъ говоритъ, проходя и проч:... кажется, здѣсь нѣтъ смысла. Да и *говоритъ, проходя чрезъ воображеніе,* также довольно мудрено.

Стр. 11. „Тропъ есть остроумное
„отступленіе отъ обыкновеннаго выра-
„женія мыслей, по причинѣ сходства и
„подобія, посредствомъ оборотовъ и
„картинъ, возвышающихъ эстетическую
„занимательность сочиненія.“

Сколько недостатковъ въ одномъ этомъ опредѣленіи! Гнъ Левитскій думалъ опредѣлить тропъ вообще, а опредѣлилъ одну *метафору,* и то весьма худо. Что можетъ понять ученикъ подъ *отступленіемъ отъ выраженія посредствомъ оборотовъ и картинъ.* Какіе это *обороты и картины?* И отъ самаго ли *выраженія,* а не отъ извѣстнаго образа изъясненія, дѣлается отступленіе, когда, вмѣсто простаго рѣченія, употребляется переносное? За чѣмъ также объяснять *тропъ*

эстетическою занимательностію, когда эта *занимательность* требуетъ еще большихъ объясненій, нежели самый *тропъ*? При томъ къ слову *занимательность*, естьли оно означаетъ то, что французское *l' interêt*, нужноли, подражая Французамъ, прилагать *эстетическое*, естьли у насъ нѣтъ *занимательности физической, денежной* и проч. (l' interêt *physique, pécuniaire* &c)? И какая бы ни была *занимательность*, не естественнѣе ли ей у насъ *увеличиваться*, чѣмъ *возвышаться*?

На 12 страницѣ онъ и метафорѣ даетъ тоже опредѣленіе, и говоритъ: „*метафора* есть тоже, что тропъ во„обще, т. е. остроумное отступленіе отъ „обыкновеннаго выраженія мыслей, по „причинѣ сходства и подобія, посред„ствомъ оборотовъ и картинъ.“

Нельзя думать, чтобы сочинитель Курса словесности не зналъ такой бездѣлицы; но какъ же *законодателю словесности* дѣлать столь грубыя ошибки?

Стр. 14. „Изъ *послѣдовательнаго* про„долженія метафоры происходитъ ал„легорія (иносказаніе), посредствомъ ко-

„торой обороты и выраженія легко пере-
„мѣняются въ *Эстетическія.*“

Для чего поставлено тутъ *послѣдо-вательное*, я не знаю. Кажется, *продол-жаться* и само по себѣ значитъ *слѣдо-вать одной части послѣ другой.* Но что значитъ перемѣна оборотовъ и выраже-ній въ *Эстетическія*, этого, право, не по-нимаю. Кажется, *Эстетика* у Гна Авто-ра вотъ уже въ другой разъ вмѣшивается также не кстати, какъ вмѣшалась и *Геометрія.*

На страницѣ 16 Гнъ Левитскій къ *аллегоріи* относитъ *пословицы.*—Кто не знаетъ, что пословицы не всѣ бываютъ иносказательныя?

На страницѣ 17 опредѣлилъ онъ *метонимію* такимъ тропомъ, въ которомъ „поставляется причина дѣйствующая „вмѣсто *произведенія*;“ а изчисляя виды сего тропа, самъ показалъ, что въ немъ не одна только дѣйствующая, но и дру-гія причины поставляются вмѣсто про-изведенія, и произведеніе вмѣсто причинъ, и что сверьхъ того полагается еще *содержащее* вмѣсто *содержимаго*; *вла-дѣтель* вмѣсто *вещи*, которою владѣетъ; *Государь* или *полководецъ* вмѣсто *поддан-*

ныхъ, или *воиновъ*; *признакъ* вмѣсто самой *вещи*, и проч. — Неужели все это есть только *дѣйствующія причины* и *произведенія*?

На страницѣ 21 попадается такой періодъ, которому очень не прилично былобы находиться въ Риторикѣ. Вотъ онъ: „Ее (Иронію) можно сравнить съ змѣею, „подъ цвѣтами скрывающеюся—и болѣе „иногда зависитъ отъ произношенія, „нежели отъ самыхъ словъ.“

А вотъ его примѣръ Ироніи: „О раз„умная головушка! Едва только прошло „трои сушки — и ты уже сочинилъ пе„ріодъ, состоящій въ трехъ строкахъ.“ (Стр. 22.) — Сколько цвѣтовъ и остроты въ этомъ примѣрѣ! Это образецъ, которому должны подражать *дѣвицы*!

На страницахъ 22 и 23 Авторъ очень не худо объясняетъ *галиматью*. Правда, въ наши времена этотъ предметъ не требуетъ многихъ объясненій; однакожъ, кому захочется знать *галиматью* основательно, тому можно рекомендовать Курсъ Гна Левитскаго предпочтительно передъ нѣкоторыми другими.

На страницѣ 25, послѣ метафизико-эстетическаго приступа, въ которомъ

доказываетъ, что *фигура* въ Риторикѣ есть тоже, что *форма* вещи въ природѣ: что „глава о фигурахъ требуетъ „*всего нашего вниманія*;“ что „платье „сотканное все изъ золота менѣе нра„вится, нежели то, которое только „вышито золотомъ,“ — онъ даетъ слѣдующее опредѣленіе *фигурѣ*: „*фигура* „есть *особенный способъ* выражать свои „мысли *отмѣннымъ образомъ* отъ обык„новеннаго.“

Но вотъ еще лучшее опредѣленіе одной фигуры: она „состоитъ *въ количествѣ нѣсколькихъ словъ* употребленныхъ для красоты и яснаго выраженія“ (стр. 28). Можно ли по опредѣленію узнать, что это *изобилованіе*?

На страницѣ 31 приводитъ онъ въ примѣръ одной фигуры, не знаю откуда, слѣдующій періодъ: „Поелику награжде„ніе добродѣтели здѣсь сомнительно; то „не безъ основанія спросить можно, для „чего попущено, чтобы человѣкъ былъ „добродѣтеленъ вотще? Для чего пове„лѣно человѣку быть добродѣтельнымъ „вотще? Для чего человѣкъ обманутъ къ „тому, чтобъ быть добродѣтельнымъ „вотще?“ — Стоитъ ли этотъ періодъ

того, чтобы служить ему образцомъ *краснорѣчія*.

Впрочемъ я оставляю двѣ главы о фигурахъ безъ подробнаго разбору. Скажу только, что въ нихъ есть опредѣленія весьма неточныя и даже неправильныя, и примѣры очень худые; есть фигуры, которыхъ въ числѣ фигуръ никакъ почитать не должно, откудабы Гнъ Левитскій ни занялъ ихъ; таковы суть: *желаніе*, *предчувствіе*, *заклятіе*.

Главу о *Хріи* начинаетъ Гнъ Левитскій также довольно пространнымъ приступомъ, въ которомъ, предваряя учениць, что это есть „самый древній родъ „сочиненія, названіе коего можетъ быть „однимъ только Ораторамъ или учите„лямъ Риторики извѣстно;“ что „на„праснобы ему стали доказывать, что „знаніе правилъ, руководствующихъ къ „составленію онаго (т. е. древняго рода „сочиненій!) безполезно, и слово *Хрія* из„вѣстно однимъ только *схоластикамъ*: „ибо многіе опыты убѣдили его въ поль„зѣ *онаго*“ — говоритъ: „Изъ совокупно„сти Хрій составляются письма, боль„шія рѣчи, цѣлыя книги.... Вотъ поче-

„му *не хотѣлъ я пропустить сей главы*“ (стр. 50 и 51).

Какіе длинные сборы! Иной подумаетъ, что послѣ этого Гнъ Левитскій, прошивъ плана своего сочиненія, предложитъ очень обширный трактатъ о Хріи. Напротивъ онъ предложилъ трактакъ очень обыкновенный, т. е. изчислилъ части и привелъ по примѣру двухъ родовъ *Хріи* и *Силлогизма*. Вотъ только чего не хотѣлъ онъ оставить безъ особливаго замѣчанія, что „*заключеніе* (послѣдняя часть Хріи) должно состоять въ „самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ — такъ, „чтобы слушатель, по выслушаніи онаго, остался какъ бы *оглушеннымъ*“; что „наши Ораторы, не смотря на важность „впечатлѣнія, какое должно произвести „въ умѣ и сердцѣ слушателя заключеніе, „пишутъ *его* какъ бы перомъ усталымъ.“ „Во время преподаванія сей главы, — говорить онъ — я постараюсь доказать истинну сказаннаго мною примѣрами, взятыми изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей.“

Хорошо, что Гнъ Левитскій, какъ изъ этого видно, самъ только хочетъ учить по своему курсу. Иначе что было

бы съ нашими Ораторами, естьлибы всякой учитель сталъ доказывать — *примѣрами изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей* — что они не *оглушаютъ своимъ заключеніемъ слушателей* и *пишутъ его какъ бы перомъ усталымъ*!

Но — я войду здѣсь въ важный споръ съ Гмъ Авторомъ вразсужденіи *Хріи, въ пользѣ которой убѣдили его многіе опыты.*

Онъ говоритъ: „Изъ совокупности „Хріи составляются письма, большія рѣчи, „цѣлыя книги, хотя въ сихъ послѣднихъ „наипаче форма Хріи прикрывается о„собливыми и каждому сочинителю свой„ственными оборотами и переходами „отъ одной мысли къ другой.“

Гдѣ видалъ онъ такія письма, большія рѣчи и даже цѣлыя книги, въ которыхъ бы можно было найти, не только *совокупность*, но хотя одну полную *порядочную Хрію*, т. е. такое сочиненіе, въ которомъ бы непрерывно слѣдовали одно за другимъ: 1 *Предложеніе*, 2 *Причина*, 3 *Противное*, 4 *Подобіе*, 5 *Примѣръ*, 6 *Свидѣтельство* и 7 *Заключеніе*? Для чего, выписывавши изъ Риторики Гна Рижскаго примѣръ превращенной Хріи, не прочиталъ онъ тамъже 116 параграфа? Тамъ именно

сказано: „Нигдѣ въ лучшихъ сочиненіяхъ „не можно найти такой Хріи, которая „бы имѣла всѣ показанныя части и при„томъ въ такомъ порядкѣ, какой пред„писывается правилами, но всегда нѣ„которыя изъ нихъ бываютъ выпущены, „нѣкоторыя же вмѣсто того повто„ряются, а всѣ вообще размѣщены такъ, „какъ сочинителю удобнѣе казалось ихъ „связать между собою.“ Прочитавши это, онъ, можетъ быть, раздумалъ бы утверждать, что изъ Хрій, особливо такихъ, какова *порядочная*, состоятъ книги: ибо это будетъ уже не Хрія, но простое соединеніе періодовъ, естьли *нѣкоторыя части выпущены, нѣкоторыя повторены, и всѣ вообще размѣщены такъ, какъ сочинителю удобнѣе казалось связать ихъ.* Послѣ этого, можетъ статься, не было бы нужды еще болѣе безобразить Курсъ Риторики такимъ сочиненіемъ, каковъ примѣръ его порядочной Хріи. — Что за сборъ словъ, что за пустословіе! Естьли бы самому Автору попалась книга, написанная такими Хріями, какова эта, то и онъ бросилъ бы ее съ досады, не прочитавши двухъ страницъ. Вотъ, на примѣръ, одно *заключеніе*,

которое, естьли самъ Авторъ слѣдовалъ своимъ правиламъ, конечно состоишъ въ выраженіяхъ *самыхъ рѣзкихъ, оглушающихъ читателя*: „Такъ, все вѣщаетъ тебѣ (празднолюбцу) истинны, сказанныя „мною, (т. е. что *время беречь должно*— „предложеніе Хріи); земля и небо тоже „повѣдаютъ; самая совѣсть твоя, есть„ли ты внималъ ей когда нибудь, вѣ„щаетъ тебѣ тоже. Знаешь ли ты, что „ожидаетъ тебя за предѣлами жизни? „Судъ и вѣчность — вѣчность и судъ — „и чѣмъ же ты оправдишся предъ онымъ? „Горе тебѣ, горе всякому празднолюбцу!“ (стр. 55). — Кто не зашкнетъ ушей, чтобы не слыхашъ такаго краснорѣчія?—

Но Г нъ Левишскій оканчиваетъ главу, которой *не хотѣлъ онъ пропустить*, очень приличнымъ заключеніемъ. Онъ говоришъ: „Смѣшно бы было, есть„ли бы я со всею строгостію потребо„валъ точнаго соблюденія правилъ, пред„ложенныхъ мною въ сей главѣ, отъ тѣхъ „для которыхъ особенно писана вся сія „книга“— и потомъ дѣлаетъ очень учтивый комплиментъ своимъ ученицамъ: „и „можно ли, *говоритъ онъ*-обращаясь къ своему сердцу—не уволишь ихъ отъ строгой,

„точности? Ихъ воображеніе, ихъ свобода „мыслей, полъ и возрастъ требуютъ боль„шаго снизхожденія отъ наставника?“ — Кто не скажетъ, какъ чувствительно изъясняется Гнъ Авторъ? —

Глава *о Письмахъ* есть, кажется, самая забавная въ Риторикѣ Гна Левитскаго. Нельзя не выписать изъ нее нѣкоторыхъ мѣстъ, чтобы показать читателямъ, какъ легко и какъ худо иногда пишутся у насъ самые *Курсы*.

Написавши цѣлую страницу приступа и переходя на другую, онъ говоритъ: „Кому не извѣстно горестное чувство, „сопровождающее разлуку съ любезны„ми намъ особами? Кто не испыталъ „мучительнаго его дѣйствія? Кто не „плакалъ, или покрайней мѣрѣ кто не „грустилъ, разставшись съ родными, съ „другомъ — единственнымъ даромъ неба? „Кто не чувствовалъ облегченія въ семъ „мучительномъ состояніи въ то время, „когда читалъ письмо ими написанное, „или самъ писалъ къ онымъ? Природа „помѣстила въ сердцѣ нашемъ между „прочими желаніями непреоборимое же„ланіе дѣлить свою радость и горесть „съ другими. Отъ чего сердце наше въ

„первомъ случаѣ болѣе чувствуетъ удо-
„вольствія, а въ послѣднемъ облегченія —
„отрады. Но тысячи обстоятельствъ
„заставляютъ иногда умолчать обо всемъ
„томъ. Что же дѣлать? Приняться за
„перо и писать къ другу; къ повѣренно-
„му души и сердца. А сего кажется уже
„довольно, чтобы прочитать главу сію
„со вниманіемъ.“ — „Письма называютъ
„рѣчію отсутствующаго къ отсутству-
„вующему. По сему уже ли не можно
„писать къ тѣмъ особамъ, кои вмѣстѣ
„съ нами находятся? Можно; но это бу-
„детъ уже разговоръ; а не письмо. Да и
„что за необходимость писать къ тѣмъ,
„съ коимъ, какъ говорится, съ глазу на
„глазъ? Вы говорите; коварство, злоба и
„пустословіе заставляютъ то дѣлать.
„Замолчите.“ (Стр. 45, 46 и 66). — Вотъ
какъ Авторъ нашъ бесѣдуетъ съ дѣви-
цами!

Далѣе онъ говоритъ: „Строгихъ пра-
„вилъ для писемъ положить не возмож-
„но, такъ какъ и для движеній человѣче-
„скаго сердца. Въ самомъ дѣлѣ въ нашей ли
„волѣ повелѣть сердцу, чтобъ оно такъ
„чувствовало а не иначе, такъ билось а
„не иначе; но сердце есть единствен-

„ное отечество чувствованій, кои мы „выражаемъ въ письмахъ.“ (Стр. 66 и 67).

Но вотъ мѣсто, въ которомъ еще болѣе *эстетической занимательности*: „Читайте его письма (Ж. Ж. Руссо)..... „У него не примѣтно усилія и изыска„тельности въ доказательствахъ, онъ „и не заботится о нихъ, но вы вѣрите „словамъ его отъ всего сердца; отъ че„го это? отъ того, что онъ уже давно „*подкупилъ вашъ разсудокъ цѣною сердеч„ныхъ чувствованій*. Вотъ сребреникъ, „на который бы я согласился промѣ„нять всѣ тѣ громкія выраженія тще„славныхъ писателей, отъ которыхъ „раздирается одно только ухо, а сердце „ни мало нетрогается“ (Стр. 69).—Что за романическая *сантиментальность* въ учебной книгѣ; что за вздоръ въ важномъ дѣлѣ! Изъ такихъ неумѣстныхъ размышленій составлена у него вся почти глава о письмахъ. Впрочемъ ихъ очень много разбросано по всей книгѣ. Я не замѣчалъ ихъ, боясь наскучить и безъ того уже слишкомъ продолжительною рецензіею. Любопытные читатели найдутъ ихъ на страницахъ 4, 9, 10, 11, 12, 14, 24, 27, 34, 35 и въ слѣдующихъ четырехъ главахъ.

Но чтобы скорѣе окончить рецензію, я не буду подробно разсматривать сихъ четырехъ главъ. Вотъ что можно сказать объ нихъ вообще. Онѣ (особливо глава 7 я о *слогахъ*, и послѣдняя, о *критикѣ*) написаны также краснорѣчиво и съ такоюже логическою строгостію, какъ и глава о *письмахъ*. — Теорія *слоговъ*, особливо *высокаго*, сама по себѣ не довольно еще нынѣ обрабошана; она должна быть основана на началахъ физіологическихъ, безъ которыхъ никогда удовлетворительна быть не можетъ; и у самаго Лагарпа она составляетъ болѣе игру словъ, нежели строгое объясненіе различныхъ чувствованій, производимыхъ въ насъ *красивыми*, *пріятными*, и *высокими*; а предложенная въ слогѣ метафорическомъ у Г на Левитскаго, она очень недостаточна. Сверхъ того у него попадаются мѣстами и ложныя сужденія. —

Главу о критикѣ написалъ онъ довольно съ большимъ жаромъ (*). Мнѣ кажется,

(*) Эпиграфомъ сей главѣ поставилъ онъ извѣстный стихъ Боало: *La critique est aisée etc*, только съ своею поправкою. Ему не понравилось сказать далѣе: *et* l'art est difficile; онъ сказалъ: *mais* l'art est difficile, и первое полстишіе сдѣлалъ семисложнымъ.

ей совсемъ не слѣдовало бы быть въ Риторикѣ. Правила критика составляютъ болѣе предметъ Логики, нежели Риторики. Но — рѣшившись не спорить болѣе, дабы не наскучить читателямъ, я выпишу здѣсь обращеніе его къ дѣвицамъ, сдѣланное въ заключеніи сей главы. Онъ говоритъ: „Чтобы сдѣлалось съ „вами, любезныя писательницы, есть„либы симъ загрубѣвшимъ дикарямъ (не„вѣжамъ критикамъ) попались въ руки „ваши чувствительныя сочиненія — под„линная картина души и сердца?“ и помощь ободряетъ ихъ осмью стишками.— Конечно, для дѣвицъ, можетъ быть, нужно оканчивать такимъ образомъ курсы наукъ; но для мущинъ это былобы довольно смѣшно.

Теперь пусть читатели сами сдѣлаютъ заключеніе о *Курсѣ* Гна Левитскаго. Я не могу однакожъ не сказать, что въ нынѣшнія времена очень не мудрено былобы написать учебный курсъ словесности гораздо получше этого.

Ф.

ДП03, 2016 [illegible]

1/366 ∂
1812
4.2-4
~6-10
РЖФ.
Ч/Ф